

Ф. ХОХЛОВ

АГРЕГАТ КУЗНЕЦА ЕРКИНА

(Из повести «Секретарь райкома»)

Сквозь морозную синеву ночи начинали проступать редкие полосы предрассветного тумана. Гуров, вместе с председателем райсовета Турхановым и другими участниками пленума райкома партии, спустился с высокого крыльца Дома советов на запорошенную снегом улицу.

Люди группами и в одиночку, одни торопливо, другие неспеша скрывались в ближайших переулках.

Сейчас Гуров как-то особенно остро почувствовал важность совершившегося. Пленум избрал его первым секретарем районного комитета партии. Гурову казалось: пройдена какая-то невидимая грань и теперь к каждой своей мысли, к каждому своему поступку он обязан относиться как-то по-новому, как-то особенно придирчиво оценивать и отбирать их. Конечно, избрание не было для Гурова неожиданностью. Его кандидатуру перед пленумом обсуждали в краевом комитете — именно краевой комитет и рекомендовал районной партийной организации избрать его первым секретарем райкома. Он имел время многое продумать, многое решить для себя. Вспомнились слова секретаря крайкома Березина: «Смелее беритесь за дело, товарищ Гуров. На пропагандистской работе вы показали себя настоящим большевиком. Уверен, справитесь и на новом месте. Район крепкий, передовой район. И люди в районе хорошие. Вот это главное — не забывайте о людях. Помогайте им безостановочно двигаться вперед. Колесова потому и решили на учебу послать, что за текущими делами стал людей забывать, потерял перспективу. Умейте во всем, даже в самом малом, разглядеть ростки живого, нового, нужного и развить их. Не упускайте того, что на первый взгляд может показаться мелочью». Это, разумеется, правильно, об этом не раз сам Гуров и думал, и говорил. Но теперь предстоит все это осуществлять на практике. Сложное, очень сложное и очень ответственное дело!

«Ну, что ж! — подумал Гуров, — если что и не так будет получаться — не один же я! Товарищи подскажут и помогут»

У школы Турханов перешел на другую сторону улицы.

— Благодать, снежок-то! — пробасил он. — Для озимых и вообще для почвы лучше и не придумаешь.

— А как же иначе! По решению пленума и природа действует... В резолюции ясно сказано насчет увлажнения почвы. Вот он и выпал, — свернул на шутку Мишин, председатель колхоза «Хлебороб».

— Снег—это, конечно, хорошо. Приведем в порядок и снег,— отозвался кто-то. — Вот как с дождями весной будет?

— Ну, по этой части мы всегда к Григорию Андреевичу за советом обращаемся, — отозвался Мишин.

— Кто такой Григорий Андреевич? — заинтересовался Гуров. — На метеорологической станции работает?

— Зачем на станции? Кузнец.

— Кузнец?!

— Нашего колхоза «Хлебороб», кузнец.

— Как же это он? Не у горна ли ворожит? — засмеялся Гуров.

— Много лет записи погоде и разным приметам в природе ведет, — пояснил секретарь парторганизации колхоза Долгов. — В прошлом году премудрую машину изобрел. «КИ» называется.

— Что значит «КИ»?

— Проще сказать «Клеще-истребитель». Осень-то в дождях прошла, кой-где паразит и клюнулся в зерно. Машине сперва в нашем колхозе практику дали, а от нас и по району поехала. Григория Андреевича Еркина далеко в колхозах знают.

— Сейчас что делает?

— На ремонте плужков, диск, — заторопился Мишин. — Весна торопит, глядишь — и скворцы скоро тревогу сыграют... Стараемся, чтобы все в полной исправности было, так сказать во всеоружии весну встретить. Сейчас нам не до всяких там изобретений. И товарищ Колесов не раз указывал: самое первейшее - не отвлекаться.

— Занятный человек Григорий Андреевич! А вы, товарищ Гуров, приезжайте к нам, — прощаясь, предложил Долгов.

Узкой дорожкой через сад секретарь райкома прошел в Дом колхозника.

* * *

Сдавая дела, Колесов обстоятельно рассказывал Гурову о машинно-тракторных станциях, комбайнах, тракторах, землях, пастбищах — обо всем, чем живет и без чего не может существовать огромный мир села. В памяти Колесова сохранялась уйма цифр, расчетов, фактов. Гурову иногда казалось, что вряд ли ему скоро удастся так ясно представить себе огромное хозяйство района, как знает его Колесов.

Перед ними лежала карта района: черные, серые, желтые большие квадраты, разбросанные в беспорядке узкие прямоугольники, пестрые кружочки, кубики, треугольники, домики, островерхие башенки.

Пять домиков — пять машинно-тракторных станций. Одна из них построена при Колесове. Игрушечными елочками помечены лесополосы. Чтобы озеленить десятки километров, созывался партийный и советский актив, вместе с ним поднимался народ. С каждым годом на тысячи гектаров раздавалась вширь посевная площадь.

«Только настоящий большевик, в груди которого бьется пламенное сердце, смог излучать такое количество энергии, — думал Гуров. — Жаль, что Колесова не будет со мной. Уходит человек из района и хочет он или не хочет, а уносит с собой какую-то драгоценную частичку накопленного им опыта...»

— Большую работу ты провел в районе, товарищ Колесов, — от всего сердца произнес Гуров. — Теперь понимаю, почему район считают передовым. Ну, а люди? Расскажи о них, познакомь.

Колесов стал рассказывать о работниках района, председателях колхозов. Характеристики его были коротки, безапелляционны, резали слух крайности — или идеальный человек, или совсем неисправим.

- Подожди, товарищ Колесов, — перебил его Гуров. — Есть в районе кузнец Еркин Григорий Андреевич, что о нем скажешь?

- Тебе кто говорил о нем? Есть, есть, в колхозе «Хлебороб». Имени и отчества не знаю. Большой специалист своего дела, но, понимаешь, фантазер! От земли отрывается, в облаках витает. У меня с ним даже неприятность произошла. Нагрянул к ним перед озимым севом, и что ты думаешь? Вместо того, что бы плуги, бороны ремонтировать, он с какой-то моделью возится. Пришлось духу дать и председателю, и секретарю парторганизации, и ему, конечно. У меня насчет этого характер! Иначе нельзя, сам понимаешь...

- Что за модель?

Не знаю. Откровенно сказать, не знаю. Некогда было второстепенным поинтересоваться. Да-а! Фантазиями сыт не будешь.

Когда подписали акт о сдаче и приемке дел, Колесов торжественный и почему-то чуть-чуть побледневший встал из-за стола. Прямо взглянул в лицо Гурову и крепко пожал руку.

-Желаю успеха! Хороший, интересный, богатый район... Большие дела его ждут... А теперь пошли ко мне обедать. Ты, кажется, без семьи приехал? Знаю радости холостяцкой жизни.

* * *

- Ты пойми, — говорил председатель «Хлебороба» Мишин секретарю первичной

парторганизации Долгову. — У нового человека и глаз острей, и строгости больше, пока не обвыкнет.

- Нет, Герасимович, тут я с тобой не согласен. Пока не обвыкнет — это не так. Люди привыкают к руководителю, начинают лучше понимать его. Вот в чем дело. Ты четыре года председательствуешь?

- Двадцать первого января пятилетка исполнится, — шелкнул косточками счетов Мишин. — А ты это к чему?

- А к тому, что за это время ни одного взыскания не имеешь. Почему же с порядками нашего соседа, Бакланова, товарищ Колесов не обвык? За три дня до ухода из района сиял его с работы. Тут, если по-твоему рассуждать, мог ведь товарищ Колесов решить: уезжаю, мол, вое равно. Пусть новый секретарь на свой взгляд решает.

- То другое дело!..

- Опять же, на позапрошлом бюро Кулибина предупредили. Три года проработал Колесов, и Кулибин столько же председателем, а что-то не посчитался с ним. Партия судит по делам. Ты о другом скажи, — разные бывают руководители. Это — да. С этим я соглашусь. Иной на первых порах страху нагонит, чтобы чувствовали силу, а широких путей в делах не видит. Такой далеко и сам не пойдет и других не поведет. Закружат его дела, как водоворот под Черным Яром. Дела становятся сильнее руководителя. Если на такого со стороны поглядеть и выйдет, что он сживается с недостатками.

Мишин глядел на Долгова, на его прищуренные, чуть подслеповатые карие глаза, на каштановый вихор, упавший к бровям, на всю его обыкновенную фигуру и думал — откуда у него такое понимание жизни?

- Надо лицом в грязь не ударить! В любой час может подъехать товарищ Гуров, раз обещал... Конечно, если хозяин своему слову, — забеспокоился вдруг председатель.

- Что верно, то верно, — согласился Долгов.

Мишин аккуратно записал в блокнот цифры о ремонте инвентаря, о подготовке семян. Долгов сверил их со своими записями, чтобы у обоих было точь-в-точь и под руками. Потом Мишин вызвал завхоза.

— Почему доска почета не готова?

— Готова, Герасимович.

— Пойдем, хочу посмотреть.

В углу плотницкой мастерской у стены стоял лист фанеры, размалеванный коричневой краской. По краям торчали два колечка.

— Я тебе что наказывал сделать? Доску почета?

— Ее самую.

— А сляпал что?

— Как было сказано.

— По-твоему, это доска почета? Ты разберись, садовая твоя голова. Если человек в почете, каким он должен быть? Вид какой иметь? На всех людей смело, с гордостью смотреть. Геройски! А ты для почета и такую замухрышку сляпал. Ты сделай на крепких стойках большую, чтобы каждую фамилию из района было видно, не то, что из колхоза. Понадобилось узнать секретарю райкома или там председателю райсовета, а бывает и из края приезжают, — кто в «Хлеборобе» самые знатные люди? Подошел к окну, видит, к примеру, — Соловьева Ксения Матвеевна. За что высоким званием стахановки удостоена? Опять же читает — собрала двести пудов пшеницы с гектара. Вот оно что! А эту шугу подари своей бабе горшки с молоком от мух накрывать.

Прошел в кузницу. Кузнец Еркин обрабатывал какую-то деталь.

— Чем занят, Андреевич?

— Бункер к агрегату клепал, заканчиваю.

— Отложи! Сейчас не время, потом. Займись плужками, колесами к бричкам. Это спрячь покуда. Слышал, новый секретарь приехать обещал.

Гуров приехал в «Хлебороб» дня два спустя. Долго беседовал с коммунистами, членами правления. Побывал в школе, клубе. Вернулся в правление колхоза с Мишиным и Долговым.

— А теперь хочу повидаться с товарищем Еркиным.

— Маринка! — крикнул в коридор председатель, — сходи...

— Не посылайте, — остановил Гуров, — пройдем к нему.

Вошли в кузницу в тот момент, когда раскаленная добела полоса железа под ударами молота рассыпалась тысячами сверкающих искр. Еркин вытер руки о брезентовый фартук, поздоровался. Когда жал руку, Гуров почувствовал в его крючковатых, огрубевших пальцах железную силу мускулов.

— Какой работой заняты, товарищ Еркин?

— К посевной готовимся! — торопясь, ответил за него Мишин.

Завязался разговор о выполнении графика ремонта инвентаря, об условиях работы, о материалах, оборудовании. Когда все было переговорено, Гуров спросил:

— А как модель поживает?

Вопрос оказался неожиданным и застал председателя, секретаря парторганизации и самого кузнеца врасплох. Оки переглянулись.

— Вы о какой модели спрашиваете? — испытующе через очки взглянул Еркин.

— Об этом вы мне и расскажите. Вас хочу спросить.

— Секретарь райкома присел на тракторный плуг. Достал портсигар и угостил папиросами. Все закурили. Рядом опустил кузнец. Затянувшись папиросой, он некоторое время молчаливо смотрел под ноги. И не поднимая головы, медленно, оценивая значение каждого слова, заговорил:

— Модель, конечно, дело серьезное... Но рано пока о ней говорить. На планеты, может, тоже кто хочет полететь, а — нет, подожди, земля крепко держит.

— Гуров засмеялся.

— И об этом думают ученые.

— В том-то и дело, — ученые...

Еркин колебался. Два желания никак не могли примириться. Одно — открыть потайник своих мыслей, своей мечты, другое — глубже схоронить. У самого настоящей уверенности еще нет.

- Чего же тут таиться, — без обиняков заговорил Долгов.

Конечно, главная наша сила на уборке хлебов — комбайн, слов нет, но случается разное, природу не угадаешь. Или хлеба полегли, или лето дождями богато. Тогда комбайн подмоги требует... Вот Андреевич такой агрегат и придумал, чтобы молотил он не от трактора, а от своего мотора. И на очистку зерна поставить можно. Чистоту чтобы давал как ВИМ, но с большей производительностью. И опять же — разгрузка и перегрузка зерна. Тоже людей много требует. Ну, а машина Андреевича будет такое при приспособление иметь — если нужно зерно перегрузить из одного амбара в другой, или с тока на машину, в вагон, одним словом, куда требуется — передвинул рычаг и закуривай. За десять стахановцев работает.

— Вот оно что! Интересно.

Кузнец посмотрел на них так, будто бы впервые слышал обо всем этом. И изобретал не он, а они.

— Кажи, кажи скорей свою модельку, — заторопил Мишин.

Еркин неохотно прошел к дальней стене, где стоял большой шкаф. Вернулся, держа в руках из белой жести предмет, напоминающий игрушечный комбайн.

— Объясняй, Андреевич! — распоряжался Мишин.

Кузнец снял очки, протер и опять надел.

— Устройство следующее: здесь мотор. От него проходит главный соединительный вал к молотильной группе. Нужен, например, один перегрузочный механизм. Тогда опускаем заслон я вот этим рычагом подводим среднюю шестерню. Шестерня заставит

работать винты, они-то и погонят по трубам зерно элеваторную часть. Из элеватора зерно потечет по железному рукаву. Рукав может быть любой длины, до пяти метров. Когда Еркин, вставив в моторную часть ключик, начал его вращать, шестеренки, барабанчик, валики, сита пришли в движение. Лицо старика оживилось. Исчезали следы прежней замкнутости.

— Позвольте, каким же образом будет достигаться высокая степень очистки зерна?

— Увеличением количества и расположением сит. Больше того, у машины есть и еще одно преимущество. Лопасты видите? Могут давать сильную струю воздуха, которая способствует просушке зерна, если хлеб влажный. Не очень спешите? Мог бы познакомиться с чертежами.

— С удовольствием.

— Правда, они хранятся дома.

— Послать можно, подождём.

— Знаете, что? Я живу рядом, пройдемте ко мне, на квартире даже удобней расположиться с ними, — предложил кузнец.

Гостей встретила жена Еркина. Добродушное лицо, совсем без морщинок. И это скрадывало года. Совсем молодые глаза и в них добрая веселость. По простоте себя держать, по обходительности не трудно было догадаться, что в этом доме привыкли принимать гостей

Из кухни прошли в просторную комнату. В углу стоял большой стол, заваленный книгами, справочниками, тетрадами. От запущенных снегом окон в комнате был полумрак и Еркин зажег лампу. Рядом со столом — вместительный шкаф, тоже заполненный книгами, журналами, газетами.

Пока Еркин доставал чертежи, Гуров успел просмотреть несколько названий: «Комбайны и технический уход за ними», «Основы механики», «Химия для девятого класса», «Алгебра», «Сопrotивление материалов».

Если смотреть только в этот угол, не видеть двух старомодных деревянных кроватей, развешенного для просушки белья, сундука, обитого узкими полосками жести, можно, пожалуй, принять квартиру Еркина за контору инженера.

Склонившись над чертежами, кузнец приступил к объяснениям.

Чертежей было много. Одни из них изображали целые группы механизмов, их взаимодействие, другие — отдельные детали. Бросались в глаза неровность, неуверенность штрихов, линий, проведенных то обычными чернилами, расплывающимися в пятна, то карандашом, с множеством цветных пометок, исправлений, понятных, пожалуй, одному составителю. Среди них только два выделялись строгими, четкими линиями, условными обозначениями и вообще имели вид настоящих чертежей.

Объяснения Еркин закончил неожиданным признанием:

— В тупик зашел. Требуется точные технические расчеты, знания высшей математики. Без них, что слепому нитку в иголку просунуть. По физике, механике, алгебре кой-что соображаю, а тут не с таким капиталом нужно начинать дело. — На лбу у кузнеца сошлись глубокие морщины. — В семнадцатом году начинался мне пятый десяток. Если бы большевики пораньше подросли, управился бы и с десятилеткой, и с институтом. Раньше дочка Оленька помогала, вот эти два чертежика ее. Уехала в Москву учиться.

— В Москву? В Тимирязевку?

— Нет. По машиностроению. Очень ее машиностроение привлекает.

— В отца пошла, — улыбнулась жена Еркина. — Пока здесь жила, ни на шаг от него не отходила.

На лице кузнеца промелькнула теплая, ласковая улыбка. Видно в Оленьку свою кузнец сильно верил. Гурову почему-то захотелось вот сейчас именно взять большую жесткую руку Еркина и крепко-крепко пожать ее. Но вместо этого он спросил:

— Вам потребуются очень важные части: мотор, валы, сита. Где думаете достать?

— Кой-что придется подбирать из выбракованных деталей автомашин, молотилок. Есть у нас старенький мотор с полуторки, его восстановим. Ну, и у самих руки есть... Вот, что верно, то верно: токарные и литейные работы без машинно-тракторной станции не осилим.

— Кто бы мог из наших специалистов в районе оказать вам помощь?

Еркин подумал, посмотрел на Гурова и усмехнулся: вот как оно получается. Старый секретарь «разносил» за «фантазии», а этот словно сам за «фантазию» взяться хочет. Впрочем, так рано или поздно должно было случиться, — в этом Еркин был уверен. Не для себя же он машину выдумал!

— Помочь? Помочь надо. Директор машинно-тракторной станции, Николай Васильевич Горяинов может помочь. Сам-то он инженер. Старший агроном Сергей Дмитриевич Гаврилочкин. Старичок такой. Тоже с высшим образованием, в молотильной части очень сведущий. Мне бы в расчетах помогли, остальное сам осилю.

Всматриваясь в блестящий овальный циферблат ручных часов, Гуров задумался. Идея машины Еркина его заинтересовала. Он почему-то бесповоротно поверил в кузнеца, в большую ценность его творческой мысли. И не только поверил, но вдруг почувствовал и свою ответственность — без серьезной помощи, одному колхозному кузнецу не справиться. «Жалко, что я не инженер, — подумал Гуров. — Может быть, просто поддался увлекательной идеи изобретателя, а на самом-то деле ничего кроме этой самой заманчивой идеи и нет»...

— Дело большое задумано вами, товарищ Еркин. Вы назвали директора машинно-тракторной станции Горяинова и еще кого-то?..

— Гаврилочкин, старший агроном машинно-тракторной станции...

— Они-то знают о вашем изобретении?

— Разговора такого с ними не было.

— Их, безусловно, следует привлечь. Завтра днем буду в МТС. В шесть вечера заеду к вам в правление. Ожидайте меня. Приготовьте чертежи, расчеты. Модель не забудьте. А вы, товарищ Мишин, пригласите трактористов, слесарей, бригадиров. Пусть примут участие. Поняли?

— Понятно!

«Совсем понапрасну», — подумал Еркин. «К чему. Такие дела собранием не решают».

* * *

Слух о приезде секретаря райкома партии вместе с директором и агрономом машинно-тракторной станции для обсуждения с Еркиным его изобретения летел из хаты в хату, из бригады в бригаду, от околицы к околице. Народ разбирало любопытство.

Когда стало вечереть, к правлению колхоза потянулись люди. Шли, кутаясь в овчинные воротники полушубков, в синие, красные башлыки поверх шинелей и бешметов, в пестрые длинные платки.

На столе, покрытом кумачом, высилась модель, отливавшая в сумеречном свете потухающим зеркальным блеском. Вокруг нее в строгом порядке были разложены чертежи. Сбоку стола сидел Еркин, склонив широкую спину. Чувствовал он себя беспокойно, словно перед судом. Казалось, смотрят на него не только с любопытством, но и с сожалением: «вот, дорогой ты наш товарищ Еркин, в какую канитель попал».

Вошел Долгов. Подмигнув Мишину, ободряюще пробасил Еркину:

— Народу-то привалило. Видел? И еще подходят. Интересуются. Сказал, чтобы из клуба принесли скамейки.

А в соседней комнате разгорался жаркий спор.

— Что хочешь говори, а машина Еркина — одна затея, — кипятился бухгалтер колхоза Андрейчук. — Лишние затраты.

— Ты думаешь, Петр Максимович, с затеей стал бы секретарь районного комитета партии возиться? Дела у него другого нет, что ли? — не соглашался бригадир первой полеводческой бригады колхоза Дударев.

— Издали-то, конечно, красиво, — не унимался бухгалтер. — Кузнец машину изобретает! Из кабинета она может розой кажется, а на деле пшик. У Андрейчука были свои счета с бригадиром. Второй год ие мог простить бухгалтер бригадиру, как тот на районном слете передовиков за плохой учет трудодней всенародно стыдил его. И Андрейчук сейчас «отыгрывается».

— Ты сообрази, голова! Чтобы изобретать — образование надо иметь, институты кончать. А у Еркина что? А ну, скажи мне, если я вру? У дьячка на пятак учился... Дудареву хочется ответить бухгалтеру. Но нужных слов не приходит в голову, хотя Дударев и убежден, что прав он, а не бухгалтер.

— А кто блоху аглицкого короля с левши подковал? Зря Андреевича под Ивана-болвана ровняешь, — поддержал Дударева колхозник Куприян. — Аглицкий король, слышь-ка, подарил русскому царю махонькую блошку из металла, наподобие заправдошной. Вот, мол, какие у нас выдумщики. А царь собрал со всего царства-государства ученых, инженеров, механиков, попов, дьяконов, бухгалтеров...

— Причем тут бухгалтеров? — ошетинился Андрейчук.

— Это к слову... Собрал, значит, и спрашивает: кто в отместку придумает? Никто ничего не мог такое посоветывать, чтобы англичанам носы подтереть. Откуда не возьмись кузнец, левша. И говорит — берусь сделать на блошку подковки. А блошка там такая — в подзорную трубу еле видима, не-то что копытки.

— И подковал?

— Подковал!

— Здорово!

— Отправил царь блошку с почетом, с музыкой назад аглицкому королю, — начал привирать Куприян для большей убедительности. — Узнал об этом аглицкий народ и валом повалил со всей страны ко дворцу своими глазами на блошку посмотреть. Очередь огромная выросла, может, на мною километров. И двигалась эта очередь, может, неделю, две, а то и месяц. Каждый подойдет — охает и ахает. Около блохи караул выставили — офицеров да генералов в золотых мундирах... Король потом письмо кузнецу прислал, в гости звал, только кузнец не поехал. Так и отписал: — королю можно гостевать, бумагу подписать и без него подпишут. А кузнецу недосуг — и лошадей подковать надо, колесо ошиновать. Ежели уехать — на кого кузню бросить?

— Выходит, и короля заодно с блохой подковал?

— Так получается...

Вспоминает и Дударев похожие события, вычитанные в книгах и слышанные от людей: на Волге жил простой человек, который пароход изобрел. При царе Грозном холоп крылья придумал и летал. И неожиданно для самого себя перед Дударевым целая книга мудрых мыслей открылась.

— А колхозницы по тридцать пять центнеров пшеницы с гектара берут? Это что? Кукурузы по сто сорок центнеров. Комбайнер Бровков комбайн переделал и две тысячи гектаров убрал. Без помощи агронома или там инженера нельзя обходиться. Кто спорит! А от себя народ не добавляет силы науке? Как думаешь?

Слова Дударева попали в цель. Собравшиеся зашумели и каждому захотелось высказать свои мысли.

— Почему народ к науке льнет? — заговорил юркий подслеповатый старик Куренков. — Стосковался по ней. Много веков, а может, и тысячи лет, заколдованный клад не давался в руки человеку. За двенадцатью замками, за двенадцатью печатями хранил его двуглавый Змей-Горыныч. А пришел советский Бова-Королевич, размахнулся, ударил мечом-кладунцом и покатались головы Горыныча. Потом сорвал замки с печатями... Да как же с таким кладом расстаться народу?! То-то и пойми, уважаемый товарищ.

— С наукой-то человек и до бога добрался, — басит завхоз колхоза Кураев. Он терпеть не может хвастовства бухгалтера. Кураев считает, что и по части дебита-кредита Андрейчук не ахти какой спец. — Раньше Илья пророк на небесах на колеснице с немазанными колесами громыхал, теперь мой Серега на самолёте летает. Серега письмо прислал, пишет — на двадцать километров в небеса поднимался. Передай, говорит, всем колхозникам, а особенно бухгалтеру нашему, - никакого престола и не предвидится и ни ангелов, ни архангелов не встречал...

Споры оборвались, когда в дверях показались секретарь райкома и директор машинно-тракторной станции. Здороваясь, они прошли в кабинет председателя колхоза. Мишин, выйдя из-за стола, пригласил на своё место секретаря райкома. Гуров остался стоять. Подошел к двери в соседнюю комнату, открыл ее:

Смотай товарищ Мишин, колхоз вроде поделился — часть людей здесь, часть в другой комнате. И в коридоре толпятся. Тесно. У вас же клуб есть?

- Имеется!

- За чем же дело стало? Идемте в клуб. - И вышел из кабинета.

Когда перешли в клубный зал, Гуров обратился к кузнецу.

- Григорий Андреевич, прошу рассказать народу о вашей машине.

Кузнец не предполагал, что все случится так, как оно пошло. Думал приедут Гуров и Горяинов, побеседуют с ним. Пользуясь присутствием секретаря райкома, условится он с Горяиновым сделать один – два чертежа. Десяти – пятнадцати минут вполне достаточно, чтобы ознакомить Горяинова с моделью и договориться. А вот теперь все повернулось по-другому... Что скажет народ? Кузнец понял, как дорога ему модель из блестящей белой жести.

Еркин обстоятельно рассказывал о преимуществах агрегата перед существующими машинами, объяснял его устройство, доказывал его техническую осуществимость. И напряжённо-сосредоточенные лица колхозников, колхозниц, молодёжи и глубокая тишина подсказали – его понимают и дорожат его детищем.

Горяинов неожиданно улыбнулся мелькнувшей мысли: а ведь совсем как в научно-техническом обществе или государственной комиссии: пожалуй, старина и защитит диплом!

- Может, что и не так сказал, прошу извинить. Но должна машина всему нашему колхозному обществу принести большую пользу, - закончил Еркин и, вытирая платком лицо, опустил на стул.

Заговорили все разом.

- Будет ли к уборочной готова машина?

- Сколько человек потребуется на обслуживание агрегата?

- Как будут начисляться трудодни?

- Какой завод будет делать части к машине?

- На знаменитом заводе «Сельмаш» колхоза «Хлебовод», - с усмешкой ответил Еркин на последний вопрос.

Выступил Горяинов. Рассматривая чертежи, спрашивая конструктора, он тут же наскоро делал в блокноте расчеты.

- Идея интересная. В техническом отношении встретятся трудности — придется подгонять старые детали, отливать и вытачивать новые. В этом году, конечно, не успеем выпустить агрегат. Что касается технических расчетов и чертежей, то сам займусь и поручу старшему агроному Гаврилочкину. Он сейчас находится в крае, на днях вернется...

Заключение Горяинова и радовало, и вызывало чувство горечи. Изобретение получало признание специалиста. Но сроки — целый год ожиданий!

— А вы бы помогли поскорее пустить, — вырвалась у Еркина.

— Не отказываюсь. Но, понимаете, сейчас готовимся к севу, люди заняты.

Наступило молчание.

— Разрешите мне? — протиснулся к столу высокий, вихрастый парень с загорелым лицом.

— Кто это? — наклонился Гуров к Горяинову.

— Секретарь нашей комсомольской организации, Тюков...

— Разрешите мне, товарищи, заявить, — начал паренек скороговоркой. — Я, как токарь, желаю помочь Григорию Андреевичу выточить нужные детали. Гриша Ключев выполнит слесарные работы. Мы сейчас с ним разговаривали. Верно, Гриша?

— Согласен!

— Если надо молотобойца, фрезеровщика, ребята тоже найдутся.

Бригадир тракторной бригады Косолапов взялся восстановить отживший свой век мотор. Механик по сельхозорудиям Плетнев интересовался размерами и формой шестерен, обещая поискать подходящие в кладовой.

Последним выступил Гуров. Он напомнил собравшимся о мельнице, о маслобойном заводе, о машине «КИ», построенных Григорием Андреевичем Еркиным и заверил, что районный комитет партии примет все меры к выпуску агрегата в нынешнем году.

Горяинов испытывал досаду: «Вот поспешил со сроками. Дьявольски глупо получилось».

А старый кузнец, Григорий Андреевич Еркин, чувствовал: наступил в его жизни перелом. И уж не только личное его дело — построить новую машину, а выросло оно в общее дело и казалось кузнецу: прибавилось у него силы и теперь он все может.

* * *

На следующий день в колхозе «Хлебороб» вышел специальный номер стенной газеты «За высокий урожай», посвященный изобретению Григория Андреевича. В газете так и написали: «За постройку новой машины отвечает весь колхоз». И еще: «Построить машину, изобретенную товарищем Еркиным, — дело чести всего коллектива колхоза «Хлебороб». А вечером к Еркину на квартиру заехал Горяинов. Долго говорили инженер и кузнец и оба отлично понимали друг друга. Горяинов пообещал некоторые детали изготовить в МТС.

Кузнец и молотобоец Борис ежедневно возвращались домой с работы глубокой ночью. Колхозники говорили:

- У Андреевича свои часы — петухи!

Прошло недели две. Как-то Еркин зашел к Долгову. Кузнец был хмур и озабочен.

— Горяинов-то забрал материалы и ни слуху, ни духу... Установка ясная была. Что говорил секретарь райкома? Почему же не выполняет? На весь колхоз раззвонили. Газету ты выпустил. А мне теперь проходу от людей не стало.

— Садись, Андреевич, разберемся, — предложил Долгов.

— Каждый в кузню и до хаты идет, интересуется, — горячился кузнец. — А что могу сказать? Сам посуди. Я и то разное измышляю — и шестерни, мол, МТС отливают для меня, и втулки цементируются, и чертежи делаются. Кого же обманываю. Самого себя. Не надо было ни совещания всенародного, ни газет этих.

— Сегодня идет наша полуторка в МТС, поеду и узнаю.

— Машина идет? — оживился Еркин. — Вот, что, секретарь. Поедем вместе. Ты по своей, по партийной линии нажмешь, а я по своей.

— Договорились...

Главный механик МТС, он же секретарь парторганизации Харламов сообщил: Горяинова срочно вызвали в край и никаких распоряжений относительно запасных частей к агрегату он не успел оставить. Передал и другое — утром звонил Гуров и тоже справлялся, даны ли заказы на детали по чертежам Еркина. Предложил, во-первых, обсудить вопрос на открытом партийно-комсомольском собрании а, во-вторых, взять дело под особый контроль.

Когда вернулись в колхоз и слезли с машины, Еркин остановил Долгова.

- Гуров-то молодой, а с хваткой. Как думаешь? Сам звонил!..

* * *

— Вася а Вась, дядю Григория не встречал?

Маринка, запыхавшаяся от бега, остановилась посредине улицы и кричала учетчику огородной бригады.

— Не видал.

— Ни в хате, ни в кузне нету. Запропастился, чисто иголка.

— Добеги до мельницы, может, там. С жерновами какая-то канитель у них получилась.

- Вася, ежели повстречаешь, чтобы в правление скорей...

Бросилась наперерез улицы к мельнице.

— Дядя Егор, дядя Григорий не у вас?

— Чтой-то много дядей насобирала. Тебе всех или один какой требуется?

Из-за жерновов высунул голову Еркин. Его лицо и волосы были запорошены мучной пылью.

— Кому я так к спеху?

— Дядя Григорий, скорей в правление. Мишин велел хоть где разыскать и представить.

— Прямо такой напудренной красавицей и велено явиться?

— Ну, дядя Григорий, ты все с забавой. Скорее...

— Ладно, уговорила, а еще больше строгостью взяла.

Вслед за Маринкой в правление пришел и кузнец. Мишин сразу же к нему:

— Григорий Андреевич, как у тебя с ремонтом инвентаря? Звонила помощница Гурова, предупредила, вечером слушают на бюро райкома. Подготовиться надо, ехать...

— Ты все-таки позвони, может быть, по другому какому делу, — вмешался Долгов.

— По какому такому другому? Подготовка к севу и никаких больше... Бояться нам, конечно, нечего, подготовка в порядке, а все же...

Мишин заметно волновался. Он перекидывал с места на место бумаги, разбирал их, потом снова начинал складывать. Положив перед собой лист бумаги и вооружившись ручкой, приготовился записывать.

— Сельхозинвентарь не обойдут. Обязательно будут спрашивать. Чего, сколько отремонтировать сам знаю. Скажи мне, как с выполнением? На сегодняшний день... Так... Плугов всего у нас...

Долгов подошел к телефонному аппарату и взялся за ручку, чтобы позвонить. Мишин искоса, неодобрительно посмотрел на него.

— Брось, Дмитрий Ильич. Зря время проводишь. Садись и записывай. Тебя тоже, как партийного руководителя, могут спросить.

— Конечно, спросят. А я все-таки позвоню... Марьины Колодцы? Марьины Колодцы? «Хлебороб» говорит... Мы недавно с райкомом партии разговаривали. Влезло Архангельское и перебило... Срочно надо... Барсуки говорят?.. Кончили? Давайте... Кого? Помощника секретаря. Райком? Кто звонил в «Хлебороб»?.. Так, так... Хорошо... Понятно!

Повесил трубку и улыбающийся положил руку на плечо Мишина.

— Кончай с бухгалтерией! Вопрос в повестке записан так: — и перевел взгляд на кузнеца. — «Об изобретении товарища Еркина»... С Коляевой разговаривал. Указание такое: захватить материалы и обязательно модель. Ясно? Давайте собираться...

К вечеру о происшедшем знал весь колхоз. О нем говорили в правлении, на фермах, в бригадах, по хатам, учителя — в школе.

Завхоз колхоза, увидев вдали мельника, ускорил шаг, чтобы встретить того на перекрестке и сообщить новость.

— Слышал?

— В гору идет наш Андреевич. Самого лично на бюро вызвали! - И в глазах блеснула гордость за колхозника-земляка.

* * *

Гуров долго сидел в кабинете, сосредоточиваясь «а записях и на всем том, что сохраняла память от первого знакомства с районом. В районе семьсот коммунистов, пять тысяч комсомольцев, сотни стахановцев. Сотни... Может их быть тысячи. Триста человек интеллигенции

— Як тебе, Владимир Сергеевич.

Турханов был одет по-дорожному - в бурку, а под ней дубленый полушубок, в валенках. Большая кубанка, нахлобученная на уши и синий башлык, плотно охватывающий шею, почти закрывали лицо и оставляли только широкие черные брови и такие же черные живые глаза.

- Зашел поставить тебя в известность, выезжаю в северную группу колхозов. Неважно у них с подготовкой семян.

Гуров много слышал об энергичности этого человека, о его безукоризненной честности. При выполнении партийных заданий, для него не существовало преград. Совсем недавно, когда над степями бушевал снежный ураган и десяткам тысяч овец грозила гибель, Турханов не растерялся, сам помчался в степь и организовал спасение отар.

- Поезжай. Но завтра не опоздай на заседание бюро.

- Буду обязательно. Кстати, я еще не видел повестки.

- Разве не получил?

- Не успел просмотреть. Если под руками, лай, возьму.

Турханов опустил на стул и, читая, наклонился к абажуру настольной лампы.

- Не пойму первого вопроса «Об изобретении товарища Еркина». Не понимаю.

- Очень интересный и сложный агрегат: молотит, чистит, сушит, нагружает зерно...

- Не слышал. Райзовцы, наверное, подсунули вопросик? Ну и народ! Любят за чужие спины прятаться, сами никогда не решают.

- Нет, это инициатива райкома.

Турханов неодобрительно покачал головой.

- Напрасно, товарищ Турханов, сомневаешься. Ты представь себе, какая это будет машина. Послушай! — И откинувшись на спинку кресла, Гуров начал рассказывать.

Председатель исполкома слушал внимательно, не спуская глаз, и его сосредоточенность усиливала увлечение Гурова. Выслушав, Турханов заметил:

— Все это хорошо. Увлекательно... Боюсь только, что много здесь фантазии. Построить машину в колхозе! Это, знаешь...

— Есть заключение Горяинова. Он хорошо разбирается. Поддерживает. Должно получиться.

— Пусть будет так. Но при чем здесь бюро райкома! Я бы на твоём месте передал вопрос райзо. Пусть занимаются. У нас с гобой своих забот хватит. Какое дело райкому до затеи кузнеца?

— Да ты что говоришь?!

— Свое мнение...

— Вот чудак! Смею заверить тебя — и райком должен заниматься не только ремонтом плугов. Почему нам нужно постановление бюро об изобретении Еркина? Прежде всего, надо помочь ему. И потом, — в районе есть мичуринцы, рационализаторы, опытники. Поднять у них дух, показать значение их работы, создать им авторитет и двинуть эту огромную силу вперед.

— Смотри, дело твое. Я конечно, не возражаю...

* * *

Представление о бюро райкома у Еркина, как и у многих колхозников, складывалось из чисто внешних признаков. Перед выездом с отчетом в райком, Мишин становился особенно серьезным. Вместе с Долговым садились надолго в кабинете, собирали заведующих фермами, бригадиров, советовались с ними. Записывались цифры и сроки. В колхозе знали: руководители готовятся к большому событию — будут отчитываться на бюро.

По возвращении созывались партийные собрания, производственные совещания, иногда — собрания колхозников.

Мишин не умел владеть собой так, как Долгов, и колхозники по его манерам открывать совещания, начинать доклад безошибочно угадывали: «влетело» им в районе, или «хвалили». Председатель имел склонность сгладить, даже чуть приукрасить, действительное положение на заседании бюро, но цели этим никогда не достигал. В противовес ему Долгов в своих выступлениях был откровенен, резок и прямолинеен.

Подъезжая к зданию райкома партии, Еркин думал — по его делу тоже примут на бюро постановление. Из-за него же вызвали и председателя колхоза и секретаря парторганизации. Может, Зря все это? По всему району шум пойдет.

Поднимаясь по широким узорчатым чугунным ступеням лестницы, кузнец испытывал беспокойство. На его вытянутых вперед руках лежал громоздкий, но не тяжелый предмет, завернутый в пеструю скатерть. За ним шел Долгов, державший свернутые длинной трубкой чертежи.

В приемной они встретили Гаврилочкина и секретаря парторганизации машинно-тракторной станции Харламова. Здесь же находился и председатель соседнего с «Хлеборобом» колхоза «Заря коммунизма» Лавочкин, которого хорошо знал Еркин, и еще другие, неизвестные ему люди.

Еркин, поставив ношу на столик, снял пальто, шапку, повесил их на вешалку и подошел к Лавочкину.

— Ты какими судьбами? — удивился Лавочкин.

Но кузнец не успел ответить, его окликнул женский голос.

— Товарищ Еркин! — Он обернулся. Перед ним стояла невысокая женщина с карандашом и листом бумаги в руках. Товарищ Гуров просил, как только приедете, пройти к нему.

Еркин торопливо расправил усы, одернул пиджак. Снял с модели покрывало, бережно, обеими руками взял модель и вошел в кабинет. Гуров поднялся из-за стола навстречу и когда Еркин поставил диковинную для присутствующих вещь на длинный стол, придвинутый к письменному столу, пожал ему руку и усадил.

— Будем начинать, товарищи. Приглашайте вызванных по первому вопросу.

За продолговатым столом кузнец успел разглядеть председателя райсовета Турханова, директора МТС Горяинова, второго секретаря райкома Крылова, Струкова и еще небольшую группу районных работников, которых хорошо знал. В кабинет вошли Мишин Долгов, Гаврилочкин, Харламов. Казалось бы присутствие столь знакомых людей должно было успокоить кузнеца, но Еркин отчетливо почувствовал, что он все больше и больше волнуется и, наверное, ничего путного сказать не сможет.

Дальнейшее произошло необычайно просто. Гуров, вероятно, заметил состояние Еркина и стал докладывать сам. Слушая его, Еркин все больше и больше поражался. «Вот это здорово, — удивлялся кузнец. — Откуда же он такие подробности знает?» И не заметно для себя так увлекся рассказом Гурова, что позабыл — ведь рассказывает-то секретарь о его, Еркине, изобретении. И кузнец жадно слушал, старался не пропустить слова. Ну и машина!.. Мать честная, так ведь это же его машина...

Потом члены бюро подходили к модели, к чертежам, рассматривали их и расспрашивали Еркина.

— Предлагаю проект постановления, — вновь заговорил Гуров — Признать большую государственную ценность изобретения товарища Еркина. Председателю исполкома райсовета товарищу Турханову взять под свой личный контроль строительство агрегата Заведующего райзо товарища Ковалева и директора МТС товарища Горяинова утвердить ответственными за изготовление агрегата в срок. Председателю и секретарю парторганизации колхоза «Хлебороб» обсудить постановление на союзе колхозников и оказать изобретателю товарищу Еркину всю необходимую помощь. Сроком испытания агрегата назначить первое июня. Как думаете, товарищи?

— Принять.

— Утвердить.

— В таком случае всё. Желаю успеха, товарищи!

...Всю дорогу домой Еркин находился под впечатлением происшедшего. Хотелось скорее домой в кузницу и работать, работать. Кузнец не заметил, как полуторка проскочила дубовую рощу, свернула на грейдер, миновала мост через Кубань и с разбегу остановилась у правления колхоза.

* * *

Отвесный левый берег стеной обрывается в реку. Над ним высоко, высоко, закрывая солнце, широкими грядами вздымаются скалы. Самая высокая из них похожа на остроплечую черкесскую бурку, спадающую складками к самому кубанскому прибрежью.

Буйные ветры ущелий и ливни причудливо округлили выступы скал и они похожи на древние рыцарские замки, на грозные бастионы крепостей.

На самой вершине одной из скал — развалины незапамятных времен монастыря. В его заросшие мохом катакомбы можно пробраться по узким, источенным веками каменным ступенькам, нависшим над пропастью. На крыше полуразрушенной церкви растет могучий двухсотлетний дуб.

Стремительно, через похороненные на дне валуны, мчится Кубань. Над ней узкий, — вдвоем не разойтись, — на канатах мост. Один шаг и мост начинает качаться над пучиной. Взглянешь вниз и кажется, — на пенистых гребнях пучины несешься в ущелье гор. Быстрее цепляешься взглядом вот за ту скалу, чтобы оборвался сумасшедший бег... Боязливо крадется не здешних мест человек между небом и бурлящей мглой, судорожно перебирает руками канат. Чем дальше от берега и быстрее шаг, тем выше бросают качели. А на середине моста сам чорт начинает играть с человеком в бесстрашие.

Иного склада станичники. Бежит по еле видимой зыбкой основе молодая казачка Галнре. На коромысле — ведра с помидорами, огурцами, горшками молока. Она стройна и легок быстрый шаг её. И если заметит за ней подружка, ожидающая в это время на другом конце моста, что Галина на середине придержалась за канат, улыбнется своей догадке: «Другой чертяка кружит голову, не тот, что в водяных бурунах. Не иначе, Славка тракторист».

Из яблоневых, вишневых, абрикосовых садов смотрят на Кубань, переглядываясь, хатенки. Они по-старушечьи подслеповаты, сгорблены как и сами бабки Ковалихи, Свусихи, Трунихи, домовничающие в них. Среди приземистых хат резко выделяется новый дом, совсем не похожий на другие. Окна — такие, что сразу по десять человек на весь мир дивиться могут. А живет в нем Еркин, колхозный кузнец, жена его и старая теща. Двери — одни в подклеть, другие на улицу. Еще бы одни для тещи... Крыша под железом. Крыльцо, окна и карнизы в кружевных уборах.

Тракторист Фоменко за кузнецом пошел — в новом порядке такой же дом отстраивает. За ними — Васильчук — учетчик потянулся.

* * *

Еркины перешли в новый дом по весне, когда началась первая прополка яровки. Вышел дом хоть куда — не стыдно такому и на улицах большого города показаться.

Смотрит он широкими окнами на все стороны белого света: на север, запад, юг и восток. На улицу — парадная дверь под масляную краску. Во двор — стеклянная веранда и опять дверь. Наверху, где положено крыше быть, еще маленький домик пристроен, называется — «мезонин» — слово в здешних местах неслыханное.

Дом Еркина вызвал у станичников, а еще больше у станичниц бесконечные разговоры. Самое подходящее время поговорить — перед вечерней дойкой коров.

— Пуше, чем у доктора в городе, — восхищалась доярка Варвара, соседка кузнеца. — Одна комната большая, остальные две маленькие. В каждую — дверь. И печка чудно сделана — небольшая, а согревает все комнаты. Кухонька крохотная и совсем раздельно. И тоже печечка, катанком таким.

— А где же, если, по надобности, пирогов или хлеба испечь?

— Железный ящичек сбоку для такого назначения приделан.

— Ей, ей! Не соврать...

— Рядом с кухней вроде чуланчика. Полюбопытствовала. Это что же, спрашиваю, — кладовушка будет? Нет, — говорит, — здесь у нас... Ну, одним словом, как бы банька. Тоже чу-у-дно! В любое время, когда печка топится, вода горячая. Хошь стирай, хошь мойся, как твоей душеньке угодно.

— И полок для пару? — любопытствует бабка Свysisа.

— Чего нет, того нет. Вместо его цинковая большая корыта. Ложись и ублажай себя.

Удивляются, ахают, качают головами казачки. Одна от простого удивления, другая от завистливости, третья — душу отводит.

— Что ему одноглазому! За тыщи-то каждый свою прихоть исполнит — ворчит, как всегда недовольная, желчная жена воловщика Дарья. За неуживчивый характер Дарью в станице междусобой называют чернонутренней.

— Спрашивала и об этом Андреевича. Говорит, малость дороже, чем обыкновенная хата, только, мол, с умом надо дом планировать. Иной за те же деньги, а такую себе хлевину поставит, хоть худобу загоняй. И копейку тоже, говорит, по-хозяйственному надо расходовать, не зря.

— При чем тут тыщи? И ты десять килограммов на трудодень получила и он. Опять же теща-то у него к труду неспособная. Дочку в Москве учат, это тоже расход, — в решительную защиту Еркиных вступает звеньевая Русаниха, пожилая, дородная, сохранившая черты недавней молодой красоты женщина. — Ты о другом лучше скажи. Трудодней у них больше чем у вас троих. И Марфе премию выдали за урожайность.

— А кто принуждал в Москву посылать? Закон такой есть? — Не отдавая себе отчета в том, что говорит, лишь бы сорвать на других ничем неоправданную злость, цепляется за каждое слово Дарья...

— У тебя от того, что Ольга в Москве, голова что ли болит? Или Еркины к тебе обедать ходят? И одноглазым зря обзываешь. Не на гулянках глаз потерял. Ты не на глаза смотри, у филина их два вон каких, да что толку. Скажи лучше — голова у человека другой выкройки.

За Еркина, вступилась и молодая колхозница Поля:

— Ты вспомни, осенью сколько хлеба на глубинках от клеща гибло. Да любого озолотили бы, если бы паразита уничтожил. Ведь Григорий Андреевич всему району спасение сделал, когда машину по истреблению клеща придумал. Сама же работала на ней. А взял Андреевич хоть копейку от правления или в районе?

— Ух, ты! Твой тоже инженер знаменитый! — переметнулась Дарья на мужа Поли. — Как же, по радио каждый день из Москвы сообщают...

— Инженер, не инженер, а ордена удостоен, — уже спокойно, с насмешкой в глазах отрезала молодая колхозница. — А вот насчет твоего Николая что-то не слышно... Говорят, в какой-то кузнице для него специально медаль клепают, может, и получит!

И сложив на груди руки, подчеркнуто горделиво, довольная, что не дала ни себя, ни мужа в обиду, Поля неторопливо переходит улицу, направляясь к своей хате. Расходятся и другие.

Дарья взбешена и тем, что заговорила о муже Полины, совсем забыв о его награде, и тем, что ее муж воловщик Николай лодырь, каких свет не видел, и тем, что и Григорий и Марфа Еркины переехали в новый дом. Но она у палисадника осталась одна и не на ком отвести душу. Злая переступила порог дома.

Муж, Николай, задумчиво склонился над столом. В одной руке кнут, другой подбрасывает в рот, семечки. Рядом и на полу куча шелухи.

— Не уехал? — сердито спросила Дарья.

— Гляди-ко-сь, давно в бригаде, — ответил равнодушно Николай.

— Не рот, а завод маслобойный! Другим бог счастье посылает. У Еркиных чистота, порядок. Дочь в Москве учат, дом какой. Людей награждают. А тут Польша и та тобой в глаза тычет...

— Ты чего не заслужила? — уставился на нее.

— С тобой наградят, держи карман шире. С другим давно бы видным человеком была, не глупей многих.

— Я помеха? В Москву распоряжению давал, чтобы тебя из списков к награждению вычеркнули?

— Развалился, как барин. Лодырь и есть ты... Сущую правду про тебя говорят. Зря, дура, под защиту беру.

- Почему бы и не барин? В прошлом году получил по десять на трудовень и в этом не меньше. Хватит...

- Уйдем с Анюткой от тебя, позоришь нас на весь колхоз...

Только перед этим, вот с места не сойти, вытуплю на собрании и все расскажу о тебе лежебоке. Как тебе кнут-то доверили? Дай сюда, — и Дарья схватила плетку. — Не в те руки достался. Сама поеду на станцию за горючим, пусть люди смотрят. Не мне стыдно...

Николай поднялся. Взлохмаченный, тяжело шагнул за женой на кухню. Укладывая в мешок на дорогу харчи, что-то долго бормотал себе под нос.

***

В просторной комнате дома Еркиных собрались соседи: бригадир полеводческой бригады Курейко, колхозник Жданкин, звеньевой Василюк.

Так давно повелось, само собой, без уговора, когда еще в старом доме жили Еркины, - собираться в воскресный день радио послушать, о колхозном житье-бытье потолковать. Переехали Еркины в новый дом - с ними и привычка перебралась.

На голову выше всех, жилистый, как корневище дуба, сидит бригадир Курейко. Уж больно подмывает его по части курева, а стесняется. Одну папироску выкурил, окурком скомкал и в карман сунул. В старой хате вольготней было - достал папироску, выкурил, швырнул окурком щелчком в угол к печке. Теперь другое.

На окнах белые тюлевые занавески. На столе скатерть белая, а по ней с угла на угол кружевная полоска положена. В углу этажерка с книгами, газетами. Под большим портретом членов Политбюро Центрального Комитета партии стоит полированный радиоприемник.

Григорий Андреевич все такой же рассудительный и приветливый, жена - Марфа Александровна - все такая же обходительная и жизнерадостная. Но что-то и новое есть. Как будто бы они другими людьми с новосельем стали. В другой раз родились. А что нового, никак Курейко не поймет. Поэтому-то и со второй папиросой времени и фуражку со стола на вешалку перенес.

— Значит, день у тебя, Андреевич, нынче событный? Вроде как главный экзамен твоей машине будет. — Курейко расправил грудь, плотно обтянутую гимнастеркой.

— А греха-то, греха сколько было по началу. Мать ты моя родная! Век не забыть, — и Жданкин, маленький, веснушчатый хихикает в ладонь.

— Ты о чем? — вглядывается в него Еркин.

— Ну как же. Нешто забыл? Приезжал секретарь райкома- то... До Гурова у нас был. Ух, строг характером.

— Колесов?

— Вот, вот! Мне в то время случилось в правлении быть. Приходит из кузницы и спрашивает Мишина: «У тебя чем занимается кузнец?» И давай распекать нашего Мишина, потом за Долгова взялся... Двери, конечно, прикрыл, а нам все слышно. Вы, говорит, фантазиями разными занимаетесь, а не государственным делом. В игрушки играете! И пошел, и пошел...

— Горяч был, ой, горяч, — поддакивает Курейко. — Бывало приедет в бригаду, как возьмет в оборот! Почему трактор не работает? Почему мало пашете? Почему то, другое, пятое, десятое. К примеру, у меня девять тракторов, да разве я не знаю, зачем они государством дадены? Не на свадьбах кататься... Ты мне хоть тысячу раз скажи «почему», а если я не в силах по- настоящему дело организовать, — помоги, научи, разберись со мной, а не кричи... Гуров — дело другое. Этот, если замечание сделает — стыдом убьет. Лучше бы он крепким словом, — легче переносить.

— Гуров подходом берет и глаз острый далеко видит. С образованием человек, знающий. А тот, Колесов-то, натурой брал, — рассуждает Жданкин.

— Если человек душой болеет за дело, он завсегда горяч. Таким и должен быть. И Гуров, пожалуй, в случае чего — покруче подвернет. Надобности пока не было. Главное — в каждом обстоятельстве уметь разобраться, а для того образование человеку нужно. Что же Колесов. Да и мы с Мишиным виноваты были. Надо было сразу же толком и рассказать, как оно есть. А мы мнемся да друг на друга глядим, в прятки играем. А справедливость и дело любил, товарищ Колесов. Настоящий большевик, — высказал и свое суждение о бывшем секретаре райкома Еркин.

— А машине-то твоей не видать бы белого света при Колесове. Так моделькой и осталась бы, — заключил Курейко.

— Это почему же так? — строго взглянул на него Еркин, — Пришло бы время и Колесов сделал бы. Разобрался бы. Была у меня тогда думка поехать к нему в райком и по душам поговорить. Колесов-то из рабочих. А я? Тоже. Одного сродства. Как же не понять друг дружку?

— Душевный, наш человек, — согласился Василюк.

Вошла Марфа Александровна, поставила на стол самовар. На широком блюде подала румяные, рассыпчатые ватрушки, каких кроме как на Кубани, нигде не отведаешь. Поставила сахарницу. Снова оставила хозяина и гостей одних. Вернулась — в одной руке кувшинчик со сливками, в другой — с вареньем ваза в виде разноцветного букета, на высоком голубом лепестке золотистая пчелка.

— Григорий Андреевич, хозяйке слово предоставь, — обратилась она к мужу. — Милости просим, угощайтесь!

И с привычным гостеприимством стала разливать по стаканам ароматный чай.

Под окном раздался шум мотора. Хозяин торопливо встал из-за стола выглянул в окно.

— Приехал! — и пошел встретить гостя. Быстро спустился с крыльца к машине. За ним вышла Марфа, бригадир, колхозники.

— Здравствуйте, Владимир Сергеевич!

— Посмотрите на наше устройство, — выросла за плечами Еркина Марфа Александровна.

Гуров вылез из машины и пожал всем руки.

— Обязательно!

Всей группой обошли строение кругом. Через сад направить к надворным постройкам. Спустились в подвал, оттуда поднялись на веранду. Поднялись и в мезонин. Побывали на кухне, в небольших уютных комнатах. Осматривая, Гуров интересовался стоимостью работ, расчетами.

— Умно! Всем, кто думает в районе заново строиться, надо рекомендовать план вашего дома.

В большой комнате, кивнув в сторону самовара и ватрушек, пошутил:

— Я знаю, когда приехать.

— Все сели за стол.

— Давненько у нас не были. Мой-то за вами ездил на новоселье приглашать. В край, сказывали, уехали.

— Вызывали. Неделю прожил... Да, Марфа Александровна, видал участок вашего звена. До двухсот пудов, а то и больше с гектара. Не пшеница, золото.

И взглянув на Курейко:

- Зря, зря, Марфа Александровна, такими сдобами его потчуете. Да со сливками, с вареньем...

— Почему так?

— Сдал, сдал, товарищ Курейко, против всех бригад.

— Свое наверстаем. Не упустим, - хоть и испытывая большую неловкость, но, стараясь сохранить достоинство, ответил бридир.

— Сами посудите, Александровна! - обращаясь к ней, но рассчитывая на присутствие всех, продолжал Гуров. - В первой бригаде озимая пшеница дает с гектара сто двадцать — сто сорок пудов. Сережа, принеси-ка образцы, — обратился он к шоферу, — а у Курейко от силы шестьдесят-семьдесят.

Шофер внес пучки растений, блестящих яркой молодой зеленью. На одном из них в изгибе проступали капли густого белого молока. Гуров положил их рядком на подоконнике.

— Узнаете рекорды своей бригады, товарищ Курейко? — среди других особенно выделялся коротким ростом стеблей и чахлостью колосьев один пучочек.

И то, что секретарь райкома говорил улыбаясь, показалось бригадиру особенной обидой. И какой позор перед кузнецом, перед Марфой, перед колхозниками!

— Затянул сроки осенью — потерял урожай, — уверенный в правильности своих суждений, авторитетно заявил молчавший все время Василюк.

— Правильно, — согласился Гуров.

— Эх вы, товарищ Курейко! А я-то всегда говорил: «За кого, за кого, а за Курейко головой ручаюсь». И себя, и меня подвели.

— Наверстаем, — бубнит бригадир с единственной целью, хоть что-нибудь говорить. И сам чувствует—не убедительно получается. В голосе уже нет тех ноток, которые сводят разговор к шутке. Не поднимает глаз, потому что знает — все смотрят на него.

Василюк явно решил «наступать» на Курейко.

— Наверстаем! Когда? Через год? Если бы каждодневно сеяли и убирали. Обедаеть ты каждый день. К тому же и вечераешь, и завтракаешь. Попробуй недельку обождать, а потом навестывай.

Гуров допил стакан чаю.

— Готов, Григорий Андреевич?

— Готов, товарищ Гуров.

— Вчера разговаривал с секретарем краевого комитета партии. Он, между прочим, хорошо помнит вас, передает привет.

— Спасибо, — кивнул головой Еркин.

Гуров посмотрел на часы.

— Поехали?

Встал из-за стола.

— Благодарю, Марфа Александровна, за чай, за ватрушки, за варенье. Пожелайте нам сегодня успеха, дело серьезное предстоит, сами знаете.

— Агрегат в третьей бригаде, — подтвердил Еркин. — Может, за агрономом заедем? Был он у меня недавно, как бы не запоздал.

— В чем же дело, прихватим и Гаврилочкина.

— На собрание, думаю, успею. Может быть, и вы поприствуете? О подготовке к севу разговор будет.

— Во сколько начало?

— В шесть, — отозвались колхозники. Хотелось бы, но не обещаю.

* * *

У машины толпа глазастых ребятишек. Они заглядывают под колеса, пристраиваются к крыльям, к багажнику, горячо спорят. Если не видеть их воробьиных носов и придать голосам чуть басовитости, можно подумать спорят крупные специалисты автомобильного дела.

На той и другой стороне улицы, поблизости дома Еркиных, под зеленой листвой тополей щеголевато-пестрые, по-праздничному нарядные толпы молодежи. Одна из дивчин играя сумочкой, шутит с шофером. Оба смеются. У открытых окон хат, на скамейках, у калиток, в палисадниках - отцы, деды, матери.

- В почете наш Григорий Андреевич и в колхозе, и в районе - говорит Щербина мужу и соседкам.

- Быть бы ему не кузнецом, а генералом.

- А Марфа уступит?

- Да и она тоже. Побьет она Егоровну. У Марфы больше ста восьмидесяти пудов с гектара. Не иначе орден из Москвы привезут. Поработали, вполне заслужили.

- Я бы так согласна — от своего урожая Егоровне приписать пусть ей засчитают и награду дадут, - искрение, с неподдельной готовностью предлагает колхозница Марычева.

- Ума палата! - строго и чуть с раздражением говорит Щербина. — У нее самой-то спросила? Шутейное дело придумала приписывать! Это все равно, что колхознику сказать: «мы к тебе в батраки нанимаемся». Это есть для колхозника кровное оскорбление.

Гуров и кузнец уселись в машину. Сергей украдкой бросает многозначительный прощальный взгляд на дивчину с сумочкой и обращается к Гурову:

— Обрато не будем?

- Пожалуй, этой же дорогой вернемся.

Шофер нажимает педаль стартера, включает передачу и машина набирает скорость. На багажнике вспыхнул красный огонёк. Зажжётся и потухнет. Горит и гаснет, пока машина не заскочила в переулочок.

Всем на удивление — что бы это значило? Но только двум людям известна тайна — Сергею, райкомовскому шоферу, и Настеньке Лобачевой. Давно состоялся между ними уговор — проезжает Сергей мимо настенькиной хаты днем ли, ночью, - сигналиит. Уезжает — смотри, Настенька, на глазок — не тухнет — не знаю, когда вернусь, прощаюсь с тобой, до свиданья; погаснет и загорится — скоро назад буду, жди...

Гуров давно стал замечать высокую с русыми тяжелыми косами девушку. Приедут на стан третьей бригады «Хлебороба» - ищи Сергея там, где эти русые косы. Если машина остановится в селе в праздник — она тут как тут. Вот и теперь Сергей интересовался — будем ли обратно.

— Сергей, мы ничего не забыли в «Хлеборобе»?

— А что? — оторвавшись от своих дум, поворачивается в сторону Гурова шофер.

— Спрашиваешь, вернемся ли...

Сергей не выдерживает взгляда и нарочито внимательно вглядывается вперед по дороге, хотя впереди, до самого горизонта, ровный степной накат.

— Гармошку один продает, — говорит шофер срывающимся голосом.

— Надо не прошибиться, — почти серьезно говорит Гуров и, не желая смущать парня, смотрит вправо, на силосные башни...

Машина мчится, подымая за собой пыль. Сергей тихо напевает, положив на руль руку и склонив голову к окну.

Если бы сейчас машине крылья, взмыла бы вверх. Она то убегает от Кубани вправо, то снова приближается к ней. На пригорке видна отара. «Надо бы заехать к знатному чабану, орденоносцу Джанибекову», — думает Гуров.

— Сережа, заедем к Энверу.

Лохматые волкодавы, завидев машину, огромными прыжками несутся навстречу. Их пасти изрыгают тяжелый, яростный до бешенства лай. Вторая... пятая... девятая... Одна запоздала, она мчится откуда-то из степи. И как бы боясь упрека в трусости, бросается вперед. Оскал зубов волкодавов настигает машину то у радиатора, то у самого окна, то у колес.

— Осторожней, Сережа, не задави...

— И то смотрю, — отвечает водитель, переключив рычаг на предельно тихий ход.

Навстречу идет высокий, в бараньей шапке, с длинной палкой чабан. Машина останавливается. Волкодавы привычно схватывают ее в круг, как делают они со зверем.

— Гой! — не поворачиваясь к ним, кричит Энвер, и собаки, опустив морды и прижав хвосты, обмякшие и виноватые, разбегаются в стороны. Старик отвешивает низкий поклон.

— Здравствуйте! — также почтительно отвечают Гуров и Еркин.

Идут к вагончику и садятся в тени на длинной скамейке.

— Как живем, Энвер Курманалиевич?

Джанибеков плохо знает русский язык. Три года тому назад он приехал в колхоз из далекой Туркмении повидать своего родного брата, с которым расстался еще в гражданскую войну. Полюбилась Кубань и стала она второй родиной.

— Ой, беда! Русски правилаина говори! Ага? — и сокрушенно качает головой.

— Что случилось?

— Один овечка болел, болел, не кушал «дна день, ага!.. Два день, ага... Сдох! Слава богу, - и горестно вздохнул.

Гуров, Еркин и шофер рассмеялись.

— Почему говоришь слава богу? Чабан смотрит некоторое время озадаченно, непонимающе.

— Русский всегда... беда... говори так.

— Нет, когда беда, несчастье, они говорят - не дай бог или спаси бог!

— Правда, правда! - спохватился Энвер.

— Еще есть больные овечки?

— Одна болел, болел два дня... собирайся умирай, теперь нет, не хочет умирай... - и он принес в чайнике настой, которым поил овцу.

— Ветврача прислать? Был здесь ветврач? — и Гуров достает из планшета блокнот, чтобы сделать заметку.

— Ветврача? — хорошо знакомое слово туркмену, - не нужна... Энвер сам ветврача.

— Молодых барашек много, Энвер Кумарналиевич?

— Приплода? — Джанибеков пристально смотрит в степь шурящими глазами. В продолговатом лице, остром подбородке, тонком профиле скрывается что-то ястребиное. Легко нагнувшись, поднял хворостину.

— Сто мамка, - и провел по земле линию. — Понимаешь?

— Сто маток, ясно.

— Его детка, - и рядом начертил вторую, более длинную, примерно, на одну треть.

— Все живы будем...

— Всех сохраним?

— Ага! Все!

— Гуров, Еркин и Сергей прощаются со старым чабаном. Энвер провожает их к машине. Собаки подняли головы.

— Гой! — кричит снова Энвер. Собаки послушно застывают на месте.

Ловки и люты волкодавы, но короткое слово чабана сильнее их, словно сковывает железной цепью.

Есть у Энвера и другое слово: г-а-ру-у-у-н! Тревожное, громкое, горячее. Услышав его, волкодавы мчатся на зов из степи, с курганов, из оврагов. И, поймав беспокойный взгляд старика Энвера, начинают метаться. Бросаясь в сторону, припадая к земле, рыщут в поисках врага. Крутя лохматые головы, оглядываются на высокого в бараньей шапке старика. С лаем поднимают отбившихся от отары овец и гонят туда, где вокруг почтенного козла расположилось сбившееся в кучу овечьё царство.

Гуров повернулся к кузнецу и рассказывает:

- Знаете, попал я однажды в беду. Решил от первой бригады колхоза «Первое Мая» до второй пойти пешком. Пошел. Сделал уже более полпути. Вдруг, откуда ни возьмись, овчарки и прямо на меня. Куда деваться? Погиб, думаю. Бежать - растерзают. Слышал — на землю надо садиться, единственное спасение. Успел броситься на траву. Окружили, лают, но не трогают. Чабан из вагончика заметил и выручил из беды...

* * *

Машина остановилась у калитки сада. В глубине его, за высоким Камышевым плетнем, пригнувшись под ветвями яблонь - свежее выбеленная хата. Два окошка, обращенных к улице, наглухо закрыты ставнями. Дорожка к дому обсажена старательно подстриженными кустами акации.

— Сходи, Сергей, позови, — попросил Гуров шофера.

— Посмотрите-ка, — указал Еркин на калитку. — Что твоя Москва!

На небольшом прямоугольнике жести, выкрашенной белой эмалью, красовалась выведенная густым ультрамарином цифра «12». Гуров перевел взгляд на соседние дома. Отовсюду смотрели такие же знаки. Под цифрой, над калиткой, была прибита вторая дощечка. В коричневой рамке строго каллиграфически: «Старший агроном Молотовской МТС С.Д.Гавриловичкин». «Насчет нумерации домов, новый председатель сельсовета постарался, что касается второго — инициатива хозяина», — подумал Гуров.

Вскоре на дорожке показался шофер, за ним, на ходу надевая плащ, торопился агроном. Не дойдя до плетня, остановился. Подумал и поспешил обратно.

— Курево забыл, — пояснил вернувшийся шофер.

Прошло несколько минут и агроном появился снова. Теперь он уже бежал, наперстывая потерянное время.

— Здравствуйте! — и близоруко рассматривая через пенснэ секретаря райкома, пустился в пространные извинительные объяснения.

— Понимаете, хватился, нет портсигара. Все обыскал, старуху на ноги поднял, а он, представьте себе, в боковом кармане оказался!

— Мы за вами, Сергей Дмитриевич.

— А я за линейкой послал. Ну, да ладно.

— Если все пойдет успешно, агрегат поставим на уборку.

— Еркин-то, видно, уже уехал на стан?

— Со мной, в машине.

— Разве? — И агроном наклонился к стеклу. — Ни шута не стоят мои окуляры.

Открыв дверцу, приветливо протянул руку кузнецу и вдруг вновь забеспокоился:

— Позвольте, кажется, забыл чертежики, — сказал и заторопился к дому.

Когда же вернулся и уселся в машину, стал горячо уверять:

— В расчетах можно не сомневаться. Все проверено тщательнейшим образом. Очередность подачи травяной и зерновой массы, размер сит и все другие технические данные вполне обеспечивают и гарантируют высокую производительность.

Качественная сторона продукции, надо надеяться, будет безупречной. Совершенно точно! Сито первой очистки установлено по горизонтали параллельно второй. Когда сито номер один делает законченное движение вперед, второе идет в обратном направлении. Впрочем, мы сейчас соориентируемся по чертежу, - и он засунул руку в правый боковой карман плаща, потом быстро в левый. – Неужели забыл? – Лицо выразило смятение. – Не может быть! – Ощупал себя кругом. – Так и есть, честное слово! Понимаете, ведь достал, сложил, приготовил, они у меня отдельно в такой голубенькой, коленкоровой папке хранятся. В прошлом году, когда на совещание в край вызывали, в магазине культтоваров купил. Были там и коричневые, но без шнурков. Жаль, что вторую не приобрел, удобная вещь, знаете. Любой документ в порядке. Потребовался и пожалуйста. Все целехонько, на месте...

Гаврилочкин высунулся в окно машины и огорченно посмотрел в сторону дома.

- Значит, на столе забыл! – окончательно решил он. – Придется практически.

Агроном на пальцах, на ладонях стал объяснять углы сечений, линии отвеса, скорость вращения деталей. По мере того, как развивались доказательства большой производственной ценности агрегата, Гаврилочкин все больше и больше горячился. Руки то схватывали пенсне и старательно протирали их носовым платком, то снова набрасывали на прежнее место. Наклоняясь то к секретарю райкома, то к кузнецу, Гаврилочкин старался убедить:

- Последнее слово техники, я вам говорю! Просто не понимаю, как можно не оценить и не признать машины, заменяющей ряд весьма и весьма трудоемких процессов.

Можно было подумать, что он защищал агрегат от ярых противников изобретения, хотя все находившиеся в автомашине разделяли его убеждения и не допускали мысли, что конструкция не выдержит испытания.

До стана третьей бригады оставалось недалеко и, как нередко бывает в подобных случаях, подъезжая к цели своего путешествия, все замолчали.

Машина повернула к стану бригады.

Огромный квадрат тока замыкался с двух сторон вытянувшимися в ряд деревянными амбарами, а с третьей стороны бревенчатым домом. Дом смотрел в поля широкими, светлыми окнами. По фасаду, в ровном строю, не нарушая шорохом ветвей запыленного покоя, дремали каштаны. Рядом, из-под кургана, пробивался родник. Еще ближе к стенам, под причудливыми узорами теней, стояли в два ряда блестящие, по-домашнему, выскобленные до бела, столы и скамейки.

Машину заметили из окон дома. Навстречу вышли Мишин, Турханов, Горяинов, Долгов, Харламов, бригадир тракторной бригады Косолапов, колхозники, колхозницы. Начал оживать весь стан. Из амбара, где хранился семенной ячмень опираясь на палку, вышел сторож. Из-под навеса летней кухни, на ходу перехватывая концы платка, показалась бригадная кухарка. Со ступенек дома со смехом сбегали девушки. Выполз откуда-то старый, лохматый, в репьях пес, посмотрел на людей сонными глазами, зевнул и поплелся на другую сторону тока, еще раз зевнул и лег на солнцепеке.

Народ сходил к агрегату. Машина напоминала огромную молотилку, смонтированную с комбайном. По устройству же — ни то, ни другое. С одного конца агрегата располагался мотор, которого не имела молотилка. Рядом размещались рычаги. Но не было широкозахватных вращающихся лап хедера, какие имеются у комбайна. В другую сторону корпуса усеченным конусом выходил наглухо закрытый люк. Верхняя часть заканчивалась широкой, из толстой жести, горловиной, куда должны подавать снопы. От туловища вниз к земле — два открытых люка. Однажды Гуров заехал на стан поздно вечером и в сумерках агрегат показался чудовищем. «Моделька выросла в стального бронтозавра», — подумал тогда.

Кузнец, между тем, захватив из автомашины узелок, направился к дому.

Бригадир Косолапов проверил зажигание, смазку ходовых частей, крепление болтов.

Вскоре Еркин вернулся. Теперь на нем не было серого костюма и белой украинки, их сменила синяя спецовка, какую носят на заводах инженеры, техники, мастера. Из кармана торчали кончики кронциркуля и еще каких-то мелких инструментов.

Развернув чертеж, Еркин сличил расположение нижних механизмов. Убедившись в правильности, зашел с другой стороны. Колхозники, колхозницы, руководители колхоза напряженно следили за каждым его движением.

— Хорошая машина будет, лишь бы по технике вышло, — рассудительно заметил амбарный сторож, высокий, перегнувшийся через палку, старик Кондратьевич.

— Без вас я тут в затруднении, — посмотрел Еркин на Горяинова. — Со своими-то чертежами, доморощенными, хорошо разбираюсь, да и с этими — по молотильной части... А вот здесь в сцеплениях, не допущена ли ошибка? Сдается, запоздание может получиться с включением конуса.

Кузнец и Горяинов углубились в проверку конструкции соединения моторной и молотильно-сортировочной групп механизмов.

— Заводи, Косолапов, — наконец, уверенно подал команду Горяинов.

— На весь агрегат?

— На все педали!

— Может, сперва молотильный аппарат опробуем?

— Не робей, Андреевич! Смелей! — угадывая состояние изобретателя, ободряюще крикнул Горяинов.

Косолапов, расставив широко ноги, наклонив могучую спину, рванул заводную ручку. Мотор взревел, судорожно забившись в железных креплениях. Косолапов убавил газ. Кузнец плавно потянул на себя рычаг и вдруг ожил весь огромный и сложный организм.

Все бросились к люку, отверстиям в корпусе, чтобы заглянуть внутрь ожившей машины. Гудел барабан; бились из стороны в сторону сита; перебирают зубцы шестерен звенья цепей.

Новорожденное стучало, грохотало, гремело. И по мере того, как Косолапов переключал рычаг скорости, — послушно замедляли или ускоряли свое движение и сита, и шестерни, и цепи. Гаврилочкин, придерживая пенснэ, следил за работой молотильно-просеивающих аппаратов. Бригадир Косолапов, чутко прислушиваясь, ловил каждый такт поршней. Горяинов то взбирался по лесенке вверх, то спускался вниз, пристально вглядываясь в каждую часть. Сам конструктор осматривал элеваторный люк. Мишин, жестикулируя и напрягая голос, что-то пытался объяснить Гурову.

Удовлетворив первое любопытство, колхозники стояли как завороченные. Их взгляды то останавливались на могучем первенце, то на кузнеце, то устремлялись на Гурова. И, казалось, они хотели сказать: «Смотрите-ка, какая диковина родилась в нашем колхозе! Пусть не мы сами задумали и создали такое. Но, ведь, Андреевич-то нашенький!» И гордость всех собравшихся за Еркина захватила Гурова.

Что говорить, разве не загорается настоящий большевик тем особым, непередаваемым чувством справедливой гордости, когда комбайнер его колхоза или района ставит рекорд на весь край, на всю страну; когда имя доярки с листка стенной газеты взлетает до правительственной печати и становится знаменем нового? И чем больше таких людей, тем ярче, энергичней жизнь района. Вслед за гордостью, оправданной делами, к руководителю-большевику приходят сила, уверенность и смелость. Неотделима жизнь и судьба Гуровых от жизни и судьбы Еркиных.

Кузнец, осмотрев элеватор, опустился на землю и, вытянувшись вдоль корпуса машины, стал осматривать нижнюю ходовую часть. В это время бригадная кухарка Галина забежала в кладовую. Видно было, как она схватила полосатую дорожку, и быстро вернулась.

— Андреевич, — тронула она за плечо старика. — Чего ты так, на земле-то.

Подбежала другая колхозница и стала заботливо подсовывать под приподнявшегося Андреевича половик.

Галина, удовлетворенная тем, что и она принимала какое-то участие в таком ответственном деле, примкнула к толпе:

— Для нас же старается!

Вдруг за палисадником, вздымаясь над кровлей сараев, показался громадный движущийся скирд. Он быстро приближался к току. Неуклюже, громоздко повернулся у каштанов и все увидели трехтонную автомашину, в несколько ярусов нагруженную снопами. На самом верху сидели две колхозницы с вилами, на подножке стоял высоченный улыбающийся Мишин.

Все были ошеломлены. Откуда могли взяться снопы, если в полях пшеница только что набирала ранние соки и до уборки было еще далеко?

- Глянь, пшеница! — вырвалось у сторожа Кондратьевича.

- Пшеничка! Ей-бо! — подхватил водовоз Герасим

— Яровка!

— В сам деле...

— Дывитесь, бабоньки, — всплеснула руками тетка Аграфена

— В мае и такое чудо! — подхватила Петрухина.

Гуров-то знал, что еще от прошлогоднего урожая был оставлен необмолоченный хлеб специально для испытания агрегата Еркина.

Автомашина с полного хода подскочила вплотную, бок о бок, к агрегату и остановилась. Косолапов выключил мотор. Колхозники с шумом обступили скирд. Толпу охватил тот особый непередаваемый порыв, который переживают только люди, из года в год встречающие на токах первую машину колхозных снопов.

— У кого как, а в колхозе «Хлебороб» начали обмолот, — крикнул Мишин.

— Нашим полям и родить положено первыми!..

Колхозницы быстро начали подбирать юбки, платья, чтобы удобнее было подавать снопы. Мужчины скидывали на траву пиджаки. На крыло поднялся Еркин. Он волновался. Это видели, чувствовали и понимали все.

— Бабоньки, об одном просить вас буду... — Голос Еркина сорвался. Откашлялся.

— Об одном просить буду, по-перву не шибко бросайте...

И замолк. Все ждали, что старик обязательно должен сказать еще что-то, но он молчал.

«Не выдерживает, веру в себя теряет старик», — понял Гуров. Быстро прошел к крылу автомашины. Мишин уступил ему свое место.

— Григорий Андреевич изобрел великолепную машину, — уверенно заговорил Гуров. — Все мы видели, без нагрузки агрегат работает нормально. Сейчас начнем опробовать снопами. Даже новую, проверенную машину с завода можно испортить неправильной подачей снопов...

— Правда, правда. У нас в тридцать пятом, чи в тридцать седьмом, вот также у новой молотилки и барабан снесло и сита вырвало, — убеждающе отозвалась самая старая колхозница, звеньевая Погудина.

— Нужно поставить на подачу в барабан самого опытного человека. Кого?

— Кузьминичну!

— Где она?

— Я, — отозвалась Погудина.

— Значит, вам доверяем. Знаете как?

— Ровнехонько надо да головками-то вперед, — уже приступала к своим обязанностям Кузьминична.

— Правильно!

— И потом, смотрите на товарища Еркина, как только даст команду, сразу же прекращайте подачу. Очень возможно, что кой-какие недоделки обнаружатся. — Гуров

ободряюще посмотрел на Еркина. — Учтем, исправим... Сами видите, машина сделана серьезная.

— Что говорить!

Все прониклись ответственностью момента и каждый готов был пожертвовать чем угодно, только бы не подвела эта громадина, где все, начиная от винтика и кончая мотором, продумано Андреевичем и под его наблюдением отковывалось, закалялось, подгонялось, прилаживалось и устанавливалось.

— Андреевич, на барабан держи глаз, это первым долгом...

— Грохот — тоже большое дело...

— Гайки проверить бы, сорвется — нутро разворотит...

— Тогда — блин...

— Нет уж, за подачей я сам присмотрю, — шепнул на ухо Гурову Гаврилочкин.

— Понятно, занимайте места! — крикнул Горяинов.

Цепляясь за канатную перевязь, колхозники и колхозницы, агроном полезли на скирд. Гаврилочкин сразу же стал расставлять людей «по всем правилам агротехники».

Горяинов, Еркин, Долгов, Гуров заняли места у механизмов.

Сосредоточенность Еркина достигла высшего напряжения.

- Все готовы? — окинул последним взглядом Горяинов людей на скирде. — Начинаем!

— Включай, — дал команду кузнец.

И когда мотор перешел на четкий, ровный такт, Еркин поднял руку и взглянул на верх скирды. Сигнал насторожил колхозников. Кузьминична стояла первой и держала в руках сноп. Остальные были также наготове.

— Давай!

Цепь снопов, извиваясь по рукам, быстро потянулась в люк приемника, оттуда в барабан. Через мгновение из невысокого хобота забил пшеничный родник. На другую сторону фонтаном ударила полова. Люди внизу бросились набирать пригоршнями зерно. Зерна были совершенно чистыми и играли на ладонях драгоценным янтарем.

Потом торопливо переходили к полове. Запустив глубоко в вороха руки, доставали оттуда горсти невесомого золотистого пуха, старательно пересыпали с ладони на ладонь, дули в поисках зерен и не находили — обмолот не давал потерь.

Теперь машина шла на ровный полный ход, подчиняя себе и время, и людей.

Вдруг Еркин стремительно рванулся к рычагу и выключил мотор. Повисли снопы в воздухе, в немой тревоге колхозницы взглянули друг другу в лицо. Те, что были внизу, бросились к кузнецу.

— Сейчас сорвет сито первой очистки. И кузнец указал на продольные крючья.

Колхозницы сбились на самый край корпуса агрегата, не решаясь спросить — велика ли беда.

— Сейчас, бабоньки, сейчас, — посмотрел на них успокаивающе кузнец.

Тогда заговорили все разом.

— Мы-то, Андреевич, испугались...

— Думали конец нашей фабрике пришел...

Опять ожил мотор, снова забил пшеничный фонтан.

Рокот машины эхом проносится над зелеными нивами и легкой дрожью волнуются они от незнакомого, непонятного шума.

Самая веселая девушка на скирде, передавая другой жаркий сноп, запела любимую песню. И сколько в ней нежных, сладостных слов. Песню подхватили другие.

— Кончили!

— Подавай, Герасимович, вторую машину, — в азарте кричали колхозницы.

— Со второй обождем недельки три, — откликнулся председатель.

Мотор выключили.

— Теперь здравствуйте, товарищи! — раздался слабый голос и к кузнецу подошел человек, которого никто до последнего времени не замечал. Несмотря на жару, он был одет в теплое пальто, шапку и валенки.

— Андреевич, барабан малость натужно, с надрывом идет.

— Ты как попал сюда? — удивленно воскликнул Еркин.

Перед ним стоял высокий, с заросшим щетиной бледным лицом человек. И в голосе, и в чертах лица Гуров схватывал очень отдаленное знакомое. Вглядываясь, вдруг вспомнил. Конечно, — молотобоец колхозной кузницы Борис!

— Здорово, Борис! Что с тобой? Давно ли был у меня с Григорием Андреевичем? На прошлой неделе, кажется...

— О-о-й, ма-а-а-мушка р-о-о-дная! — всплеснула руками колхозница Аграфена. — Правду люди говорят — болезнь не красит человека.

Теперь молотобоец оказался в кругу.

— Смотрите, смотрите, — поймал Гуров шопот другой колхозницы, — лицо-то как взялось. Не к добру это. У меня свекор — в последние дни вот так же...

— Малярия. Признают, тропическая... Три года не было, опять в гости заявила, — слабо шевеля синими губами, криво усмехнулся молотобоец.

Из-за агрегата появился Горяинов. Известно было, что он несколько раз пытался переманить Бориса в кузницу машинно-тракторной станции, но безуспешно.

— Борис! Да ты настоящий жених. Пальто, шапка, при всей свадебной амуниции... Еще белые перчатки. Только вот это самое, — и кивнул на щетину. — Для ежа, конечно, знатное украшение. А девчата не любят этих лесополос. Для них пуще проволочного заграждения. А впрочем, — и тон стал серьезным, — с тропической шутить не годится... Понял?

— Почему в больницу не ложишься? — спросил Гуров.

— Сам же его на-днях отвозил, — за молотобойца ответил Мишин.

— Я только сейчас оттуда... Вчера такое дело случилось. Пришла наша машина, продукты для больницы привозила, шофер меня наведаль. Так и так, говорит, завтра вашей машине экзамен. Я и загорелся весь. Всю ночь глаз не свел... И такая тоска взяла. Ведь вместе мы с Андреевичем около нее, не отходя... Утром чуть свет — на грейдер. Ждать долго машину пришлось, а так ничего. Смотрю, идет на «Большевику». Ну, думаю, на грейдере слезу, а там четыре километра осилю. Теперь своими глазами все видел, вроде и полегчало... Вот отдохнуть бы малость, посидеть, — и он взглядом стал искать удобное место.

— Сейчас, Борис, — и Анюта, девочка Аграфены, побежала в дом. Скоро вернулась с табуреткой.

Гуров отозвал в сторону Горяинова и Мишина.

— В край кто-нибудь из вас собирается?

— Я завтра должен быть, — ответил Горяинов.

— Дам записку, пусть устроят парня в тропический институт.

— Самое правильное будет. Я и то смотрю, душа на ниточке держится. Спасать надо человека.

Колхозницы, занятые прежде на подаче снопов, оправив юбки, платки, кофточки, кто помоложе — заглянув в немудрящие зеркальца и поправив непокорные кудряшки, поспрыгивали вниз. Перед ними лежал огромный ворох чистосортной пшеницы. На солнце она отливала золотой россыпью, в которой каждое зерно было драгоценной крупницей их общего великого колхозного труда.

— Ой, милый! Богатство-то, богатство-то какое от машины привалило, — воскликнула звеньевая Кузьминична.

— Нет, нет, вы обратите внимание на чистоту зерна! — и Гаврилочкин, держа на ладонях тяжеловесную пшеницу, восторженный, суетился среди женщин. — Ручаюсь

головой, не уступит ВИМ'у. А производительность! В два! Почему в два? В три, четыре раза больше! А то в два... Не-е-т! Двумя не обойдемся.

Сейчас Еркин был неузнаваем. Возбужденный первыми успехами, не замечая крупных капель пота, покрывавших лицо, громко шутил:

— Первый сеанс окончился! Начинаем второй!

Оставалось испробовать машину на сортировку и подачу зерна с тока. Для этого требовалось выключить и изолировать молотильный агрегат. Вторая часть технических операций представляла меньшую сложность относительно первой.

Косолапов начал быстро свинчивать метровые трубы, протягивая шнек к вороху зерна. По шнеку пшеница должна была поступать на сортировку.

К противоположной стороне корпуса подали автомашину. На борта бросили широкую доску и Горяинов, взобравшись наверх, начал монтировать вторую трубу, назначение которой было — подавать очищенное, готовое зерно. Решено было пшеницу с тока нагрузить на автомашину. Еркин, засучив рукава, не чувствуя усталости, перекрывал специальным заслоном молотильную часть и настраивал передачу к сортировочному и элеваторному аппарату.

— Ну-ка, Кузьминична, Галина, Петровна! Берите лопаты, цыбарки, сыпьте полову обратно в пшеницу, — распорядился кузнец.

Колхозницы недоумевали. С каких же пор повелось, чтобы в зерно первоклассной очистки сыпали мякину? Какой хозяин скажет такое слово? А впрочем от старого Андреевича можно всякое ожидать... Близок он, очень близок всем и непонятный. Загадочный. Но всегда выходило по его. Вот и сейчас — руки не поднимаются полову в хлеб сыпать. Но, говорит, — значит, надо.

Ворох половы над пшеницей быстро рос все выше и выше. Ее толстый слой, отливавший желто-красной ржавчиной, все глубже и глубже хоронил под собой плоды недавнего труда людей и машины.

— Хватит, Андреевич?

— Еще, еще, Петровна. Испугались? — угадал мысль женщин Еркин. — Машина откажет, с ветерка пропустим.

— Галина, а ты лопать. Хорошенько лопать. Вот так. Перемешивай.

На току вырос огромный ворох изрубленной, перебитой в кусочки соломы, на пригоршню которой доставались редкие зернышки.

— Довольно!

Дрогнул корпус машины, главный вал сделал медленные обороты — раз, другой, третий. Многоэтажная надстройка шестерен, валиков, сит пришла в движение. Полова бурным потоком хлынула на землю. Зерно чистое, янтарное зерно, грузно ударило в кузов машины и потекло, как пробившийся на поверхность земли родник.

Огромный ворох оседал все ниже и ниже. Вскоре на вершине его образовалась небольшая воронка. Она быстро расширялась по краям и углублялась к земле. Колхозницы бросились подгребать пшеничную мешанину к шнеку.

— Вот жадная до работы!

— С такой, если на соревнование, всей бригадой не угнаться.

— Не говори, Аграфена, — нашему Николаю раз плюнуть...

— Какому Николаю?

— Какому, какому!.. Один он у нас — Дарьино золотце...

Воспоминание о лодыре-воловщике вызвало хохот.

— У него вся сила, когда спит.

Еще короткие минуты и на току, где прежде был ворох, опустело. Последние зерна стекли в кузов автомашины. Агрегат работал на холостом ходу.

Все, кто был на току, с восхищением смотрели на чудо-машину.

— Вот так Андреевич!

— Золотая голова у старика! Подождите, он и мельницу к этой шуковине приладит!..

— Тебе бы еще пекарню, чтобы горячие ватрушки вот по той трубе в рот...

— Бабоньки, да чего ж мы стоим? Уши развесили. Уважения и почета достоин человек или нет?

Кузьминична шагнула вперед, за ней остальные... Обойдя агрегат, протиснувшись через окружавшую Еркина и Бориса толпу, звеньевая решительно остановилась против кузнеца.

— Андреевич! Родной наш! Такую силищу — машину ради счастья нашего изобразил. Года твои, как и мои, старые, а любовь к колхозу молодая. Все мое звено благодарствует тебе!

Андреевич, застигнутый врасплох, растерялся. Потом, наклонившись, обнял Погудину. Все одобрительно захлопали в ладоши.

— Андреевичу и Борису ура! — зычно выкрикнул Горяинов.

— У-р-р-а-а! — грянуло многоголосое, шумное, дружное над станом. Люди, смеющиеся, радостные подходили к Григорию Андреевичу, жали руки и от него — к Борису. Со сторожем Кондратьевичем, одним из первых коммунаров «Хлебороба», Еркин троекратно расцеловался.

Когда подошел Гуров, уже последним, Еркин, растроганный, по-стариковски обнял секретаря райкома.

— Спасибо, спасибо, Владимир Сергеевич! Веру, большую веру во мне крепил. И надежды крылатые.

Гуров ощутил на шее колючую щетину подбородка Андреевича.

* * *

Клуб колхоза «Хлебороб» — выстроен недавно. Новый большой дом под старыми кленами. Точно для него и насадили их деды и прадеды сотню лет тому назад. Дальше — фруктовый сад. Тропинки ведут к широкой в центре площадке. С края ее — четырьмя рядами наглухо врыты скамьи. Перед ними — вместительная, полукругом сцена.

Еще не темно, но для торжественности уже включен свет. У края сцены Вася Шевчук, заведующий клубом, и Гриша Пономарев, колхозный электрик, прилаживают радиолу.

Из переулков станицы, от главной улицы сходятся колхозники. Старики в длинных бешметах, в войлочных шляпах; опираясь на чинаровые посохи, неторопливы, степенно-уважительны при встречах. Они идут большей частью в одиночку. Помоложе — в кавказских рубашках со стоячими высокими воротниками, униженных на груди длинным рядом мелких пуговиц. Туловища перехвачены узкими поясами с блестящими насечками в виде подков, сердечек, пороховниц, кинжаликов; в кубанках с яркими золотыми, красными, синими лентами, крест-на-крест по бархатному, плюшевому верху. По двое, по трое, крепко сбитые, вразвалку, на сильных ногах, плотно обхваченных в икрах галифе. Некоторые из них азартно спорят.

Женщины торопливы, разговорчивы. Молодежь появляется из-за углов хат, из-за палисадников веселой шумливой гурьбой. И если еще не показались на виду, то их смех, веселая, раздольная песня далеко, от самой Кубани, из тенистой рощи каштанов уже возвещает о нашествии юности.

Ребятишки гнездятся поближе к сцене. Неженатые да на выданы до начала собрания гуляют по дорожкам.

На скамейке в последнем ряду идет обсуждение колючего вопроса: кто же одержит победу в соревновании — «Хлебороб» или «Большевик». Комиссия «Большевика» второй день проверяет «хлеборобцев».

— Побьют нас «большевики» по животноводству, не сдобровать нам,— знающе утверждает правленческий кучер Иванько — На прошлой неделе с председателем у них были — порядок.

— По полеводству — другое дело. Наши — профессора.

— Давно говорю, нельзя Козырева на руководственном положении держать. Пока он животновод, не видать нам толку. — заключает Иванько.

— Из района-то будет кто в комиссии?

— Кто ж его знает.

— Лучше бы по-свойски. У кого ошибки не может быть! Ну, подметили друг дружке. А то начнется канитель. Да газета еще распишет.

— Это верно, — соглашаются с секретарем правления колхозники, а каждый на уме держит — ишь ловкач, шило в мешке утаить хочет.

Радиола установлена. Шевчук отбирает пластинки.

— Вася, «Любимый город» заведи.

— «Березоньку».

— Лучше «Ермака», «Ермака»!

У Шевчука свой вкус и есть в этой стопе пластинок своя любимая, ее-то он и ищет.

У сцены стоит дед Прохор, сторож хлебных амбаров. Давно наблюдает и за Шевчуком, и за спорами. Нынче он ночует дома и по этому поводу перед ужином старуха принесла из погреба маленечкую криночку вина. Дед Прохор тяжело поднимается на сцену и, опираясь на палку, проходит к молодежи.

— Вася, дружок, порадуй старика... Вот эту самую: О-о-о-й, ты-ы, ка-за-а-к, на курга-а... — и он старческим голосом запустил «оту до самых небес, но закашлялся и — оборвался.

Парни и девчата смеются. Смешно и самому деду Прохору. — Понял, Вася? Про казака, как он от пули вражеской погибнул. Заведешь? А то, может, по колхозному уставу?

— Как по уставу?

— А очень даже просто... Вот сейчас гаркну на всю нашу колхозную силу, так и так, мол, — кто за то, чтобы заявление деда Прохора уважить и ему на этом органе про казака на кургане сыграть? Поднимай руки. И все дочиста одногласно за меня. Куда тогда денешься?

— Садись, дедушка! — указал заведующий клубом на крайний стул за столом.

— Куда? За красную материю? Значит, ты меня в президиум избираешь? Эдак каждый — захотел и уселся. Нет, благодарствую. Я под абрикосиной посижу... А ты, Вася, что ни на есть погромче. Чтобы все станичные мою дорогую песню слышали и знали. А приду до хаты, спрошу старуху — слыхала? Первая-то песня была по моему желанию.

— Хорошо, дедушка, уважу, — успокаивает старика монтер.

— Как сказал? Уважу? Да я что не хозяин этой шлуки? Моя копейка не вложена в тыщу, когда эту музыку выписывали? Может, без моей копейки и тыщи не стало бы. А без тыщи купили бы? Ты как думаешь? Понял? Ува-а-а-жим! Уважалыщик какой нашелся!

— Ой, дедушка Прохор, какой же ты канительный, — вырвалось у агронома Зиночки.

— Кто?! Я?! Канительный?! — Окаменел дед. Широко открытыми глазами уставился на Зину. По-моржовому заходили усы. Брови раздвинулись широкими дугами.

Спыхватилась Зина, зачем такую обиду нанесла старику. Будет сейчас беда.

— Вот угадала, дочка! Как в воду глянула! Молодец! Ей- богу, молодец! Молодая, а умеешь в людях разбираться. Меня старуха только канительным и величает. Значит, правда, если двое сказали... Ну, я пошел, а то люди за председателя собрания посчитают. Только послушней, — бросил он, уже ковыляя на другой конец сцены, к лесенке.

Вася включил радиолу. И полилась песня, задумчивой грустью наполняя купола ветвей засыпающей станицы. Подхва ченная журчаньем Кубани уносилась далеко далеко...

Есть песни, — чем больше грусти в них, тем тише поются. Но эта — из тех, что любят простор. Летит она птицей до облаков, до самого синего моря. Каждому свое поет она: о дружбе, о прожитой солнечной молодости, о последнем строгом предсмертном взгляде друга-бойца.

Родное казакам в песне — степное, раздольное, раскатное. Бьется она крылом у сердца старого кочубеевца Прохора и будит давно уснувшее — кочубеевские кровопролитные сечи, звон сабель в лагунах, стоны умирающих товарищей и воинов — Васьки Гончара, Митьки Цибули, Трошки Пахомова...

Ниже и ниже на широкую грудь склоняется седая голова. Отгоняя грусть, провел рукой по сабельному шраму на щеке. Вскинул седую голову. Эх, подняться сейчас вон туда, где во весь рост стоит самый великий человек в мире. И при нем рассказать народу святую и большую правду о кочубеевцах. Пусть каждый сумеет прожить свою жизнь, как прожил ее Прохор. Кровно жаль — сына нет. Кто пронесет в потомство знамя отцовской гордости?

Стихла песня. Жаль старику, что кончилась. Казалось, сам ее пел и хотелось, чтобы все поняли, почувствовали ее, как он. Замирает в памяти кочубеевца стук подков боевых, ретивых коней...

Мимо рядов скамеек прошла группа людей: председатель колхоза, секретарь партийной организации, секретарь райкома, председатель райсовета. Сцена пустеет. Шевчук прошел вниз и сел впереди деда Прохора.

— Вася!

Шевчук пододвинулся ближе. Кочубеевец склонился над нлечом.

— Спасибо, Вася, удружил, удружил старику!..

— За что?

— Хорошая песня, правды жизни много в ней. Любить ее надо.

Открыл собрание Долгов. Когда кандидатурой в президиум, вслед за Еркиным назвали его жену Марфу, Долгов растерялся.

— Товарищи колхозники и колхозницы, мы же, то есть вы же, избрали Еркина. И жену, значит, тоже? Обоих сразу?

— Не от двора ж избираем!

— Дочка будет в стариков — и ее изберем, — наступали женщины.

Когда предложение стали голосовать, поднялось множество рук.

— Вишь, войско за тебя какое, — шепнула на ухо Марфе соседка по хате.

Марфа поднялась на сцену и села с края стола, подальше от мужа, вроде они чужаки-чужаками. «На народе подальше, построже друг к другу держаться следует».

— Всем известно о большом событии в нашем колхозе, — продолжал вести собрание Долгов. — Агрегат Григория Андреевича прошел испытание успешно. В честь этого мы и собрались. Слово имеет секретарь райкома партии товарищ Гуров.

И когда Гуров поздравил изобретателя от имени районного комитета партии, огромная, взволнованная масса людей ответила долгими рукоплесканиями одобрения, признательности и радости. За Гуровым выступил председатель исполкома райсовета Турханов, за ним — представители соседних колхозов и «Хлебороба».

Из-за стола президиума вышел Еркин. Он был растроган. Стараясь скрыть переживания, облокотился на трибуну.

— За нынешний день припомнился один случай из жизни. Работал я по молодости машинистом в имении князя Воронцова-Дашкова. Хозяина мы и не видели, за глаза «его сиятельством» называли. Поместьями владел князь такими, что за год не объехать. Богатств — не счесть. Именья в Тамбовской, Пензенской, Орловской, Черниговской губерниях. А на Кавказе полной владыкой был, правая рука царя. Наместником его императорского величества считался: тут у него и заповедники со всякими зверями и райскими птицами, и виноградники на сотни десятин. По именьям немцы

управляющими сидели. Я-то работал в имении в Тамбовской губернии. Десять тысяч десятин одних пахотных земель, а сколько лесов, озер!..

— Еркин говорил уже ровным, спокойным голосом, каким ведут сказы.

— Начинается прополка, сенокос — со всей матушки России народ валом валит — девки, бабы с ребятей, мужики. Всех наций — мордвины, чуваша, татары. Разных обличий. Самая голытьба деревенская собиралась за копейкой на прокормление. Стон, вой, гам, — гудит в полях. Хлебные каменные склады в имении были выше колокольни Ивана Великого. До семи этажей. Миллионы пудов принимали. Народу работало на погрузке, разгрузке хлеба сотни человек. Вижу я, мучается народ — на седьмой этаж с пятипудовиком тужится, кости трещат, потом, кровью умывается. Решил облегчение сделать народу. И придумал устройство такое, чтобы ковши на шарнирах вокруг железного ствола бегали и хлеб на любой этаж без пересадки гнали. Управляющим был немец Рейнман. Прихожу к нему в контору. Не принял. Через писаря передал, чтобы к старшему приказчику обратился. Старший приказчик пьяница был, каких белый свет не родил. Захожу к нему. Сидит наклонившись над столом и руками голову подпирает, бирюком смотрит. Начал объяснять. Слушает. Встал я рядышком с ним и на листочке бумаги объясняю, какое должно быть устройство. Молчит. Вижу, интерес у него обозначился. Кончил пояснять и жду, что скажет. А он молчит. Глянул на него — дрыхнет. Сел против и жду, когда в себя придет. Невзначай и кашлянул. Как вскочит, глаза красные, ли дать, ни взять — у быка. Как рывкнет — ты как сюда попал?

Может, обворовать или убить пришел? Начинаю объяснять. Заорал, затопал ногами — вон из кабинета. Все вы дармоеды! Знаю вас. Вскорости вызвали меня в дом управляющего, чтобы той самой комнате, в которую раньше и цари пешком ходили, ремонт произвести. Ну, — думаю, — самый подходящий случай увидеться с Рейнманом. Так и случилось. Встретился с ним. Выслушал меня, на другой день вызвал старшего приказчика и дает распоряжение: «С завтрашнего дня кузнеца никуда не отрывать. Через три месяца должен свою мысль исполнить». Достал трешницу, похлопал по плечу и говорит — «это тебе за выдумку, иди выпей на радостях». Объегорил меня, конечно, — деньги те за работу мне причитались. Да не в том оказия — тяготу жизни убавить народу хотел. Иду я к Марфе, помнишь, — обратился Еркин к жене, — и от радости земли под ногами не чувствую. Начал ковши ковать, шарниры готовить. Весть об изобретении по селу понеслась. Нет, нет да зайдут мужики. Интересуются: ну, как, скоро твоя скатерть-самобранка будет готова. Говорю: поспеваю, чтобы к жнивью на полный ход. Уйдут. А немец торопит.

Не тревожил кузнец прожитого, не доводилось, а сегодня вот пришлось... Только копни жизнь, дотронься до ее ветхих лет и найдешь в них многое такое, что давно забыто.

— Раз и задержись в кузнице до глубокой ночи. Убрал инструмент и иду леском домой. Вдруг из кустов двое: стой! «Ну, — говорят, — молись богу, последний вздох твоей жизни». И один выхватил нож из голенища. Убьют, — думаю. «За что, — взмолился, — душу губите. Если деньги — вот от полочки остались, возьмите». Как цикнет другой: «Молчи, убивца, зарежу. Мы тебе кто? Разбойники или душегубы, чтоб грабить? Ух, иуда-христородавец!» И опять замахнулся: «Немцу с князем за трешницу народ продал!» Вижу дело к серьезному разговору переходит. «Может, обидел кого, простите», — упрощаю их. «В могилу заживо зарываешь, петлю на шею вьешь». «Почему?» — спрашиваю. «Болван ты и есть, — говорит. — Лямка-то жизнь наша, хлеб насущный. После твоей машины куда пойдём?» «Я же вам хотел облегчение сделать», — отвечаю. «От чего облегченье? От куска хлеба?» И весь мир у меня перед глазами начал на ноги становиться. До этого как будто я его вниз головой видел. «Что же делать?» — спрашиваю. «Изничтожай все, или тебя изничтожим». Отпустили. Иду, а у самого в душе солнышко играет. Какую же цепь на людей ковал и сам не знал! Нож-то из голенища темную завесу, что истинный смысл жизни от глаз закрывал, — так надвое и расхватил. Всю ночь заснуть не мог. Чуть свет — и в кузницу. Растопил горно, достал чертежи.

Бросать в огонь надо, а жалость берет, сил нет. Они-то не виноваты. Уехать и в другом месте в жизнь произвести? Какая же разница. На всем земном шаре законы одни. Горе для людей с собой возить? Забежал к кабатчику, хватил один стакан сивухи, другой. Осмелел. Достал опять чертежи, расправил. Трясусь... Как на родного дите руки накладываю... Р-р-р-а-а-з! И в огонь. Денег трешницу — туда же. Чистым чтобы перед совестью остаться. Бросил все и в тот же день уехал с Марфой на Кавказ... Вот она наука-то какая. И не думал тогда, что наступит время и чертежи из пламени возродятся. Лет прожитых жалею, сил, здоровья. Верите, чем старше становлюсь, тем больше молодой крови в жилах. Этот же самый агрегат, что испытывали, ведь самодвижущимся, самоходным можно сделать. Не надо будет и трактором тягать. Занять бы где десятка три лет.

— Поживешь, Андреевич!

— Рано к старикам приписался!..

— У тебя и Марфа молодойкой смотрит...

— Смену надо готовить. Молодежь учить. Кто сказал — кадры решают все? — указал Еркин на портрет вождя. — Он, Иосиф Виссарионович. А наше колхозное правление плохо выполняет его слова. Учить и поддерживать молодежь надо... Когда начал строить агрегат, приходит один, другой... фамилий называть не буду, кто старое помянет, тому глаз вон. Подойдет, посмотрит и вроде невзначай — «Андреевич, затея пустая. Большие головы, инженеры есть, давно бы без тебя придумали, если можно. Ничего не получится. Понапрасну и время, и силы тратишь». Хоть бы сказал, почему не выйдет. Спорить можно было бы, доказывать, легче как-то... Нет, одно твердит — брось... Я тогда болеть начинал. Неделю, другую болею, сам не свой. За работу не берусь. Пройдет время, перегорит в сердце, и за дела. Тогда меня никто не собьет. Но для этого закалка требуется. Где же ее молодому взять? Железо и то не всегда выдерживает. Накалишь кусок до солнечного блеска и в воду. Сам думаешь в тот момент — кто кого. Выхватишь — сталь-броня. Иной раз подцепишь из воды — черный уголь. Спасибо Владимиру Сергеевичу, секретарю райкома. Крепко поддержал меня в этот раз. Совсем было духом пал. Пусть машина на благо народа поработает по-стахановски!

Дружными аплодисментами проводили колхозники старика.

К трибуне подошла невысокого роста женщина, — звеньевая Настя, взглянула из-под рядка спадающих на лоб завитушек.

— Все мы должны брать пример с товарища Еркина. А есть еще кой-какие личности, не понимающие этого. Всем известно, земли в колхозе «Хлебобоб» такие, что воткнешь оглоблю — телега вырастет и урожай должны собрать богато. Но с прополкой кой-где в звеньях затагнули. И если участки не очистим от сорняков, вместо пшенички голубые васильки будем собирать... девчатам на букетики. Из пяти вагончиков для трактористов и комбайнеров отремонтировано три. Для кого ж предназначаются? Для тех, кто в своих руках боевого коня — технику держит, управляет машиной. Опять же ждут, что все хлеба, как у меня пироги, зараз одночасно подойдут. Климат, видно, по-своему планируют — в понедельник дождичек, в среду солнышко, потому и серпов нет. А если дожди пойдут и хлеба повалят? Но косы есть. Вот, — и она указала на колхозниц, — у Груни, у Любаши, у Маруси красивые, худого ничего не скажешь.

По рядам пробежал смех.

— Вот подъезжает, вот подъезжает, — шепчутся колхозники меж собой.

— Хотела на нашу «Доску Почета» посмотреть. Или не всем показывают, или я плохо смотрела.

Все знали: «Доску Почета» взяли на ремонт в мастерскую и держат второй месяц.

— Это она с намеком нашему клубнику.

— Как оса!..

Мишин все чаще склоняется к Гурову, стараясь убедить, что задание завхозу собрать серпы и косы дано, установлены для этого твердые сроки, проведены

производственные совещания, но подвел. И культурник получил распоряжение о «Доске Почета», но не выполнил.

Разговор председателя с секретарем райкома не ускользнул от глаз народа.

— Наш-то грехи замаливает, — переговариваются по рядам.

— О животноводстве скажу, — продолжала Настя. — Животновод здесь?

— Здесь! — молодежато отрапортовал с места Козырев.

— Не подсчитывал сколько за зиму молока в щели через крышу базов утекло.

Осекся Козырев, слинял, не ожидал такого вопроса. Растерянно смотрит на сцену.

— По овцам имеется убыль. Нельзя допускать. Ты, конечно, как животновод не виноват. Волки виноваты...

— Правильно, — согласно кивнул с места Козырев.

— Но нужно, чтобы волки или расписки оставляли, или актами оформляли...

Хохотали все, неудержимо, раскатисто...

— Волки-то рукастые! — крикнули из рядов.

— И не зрящие, чтобы попусту. Свои дни знают — на новый год, восьмого марта, первого мая.

Опять взрыв смеха.

— Провалиться бы Козыреву от стыда в тар-та-ра-ры, — наклонилась доярка Клавдия над ухом звеньевой Аграфены.

— А теперь скажу, — закончила Настя, — обязательства мое звено выполнило. И обещаю в нынешнем году дать тридцать центнеров пшеницы с гектара... Я соревнуюсь со звеном Груни Дударевой. Если она не подтянется, — не по дороге мне с ней...

— Дозволь мне, — поднял руку дед Прохор.

— Просим, — указал на трибуну Долгов.

— Проси, не проси, взял слово — все равно скажу, — проворчал старик и, откашлявшись, волоча ноги, не поспевавшие за палкой, поднялся на сцену.

- Я много не мастак, — оглянулся на президиум. Разглаживая бороду, оглядел колхозников. - Василий Курейко, ты здесь.

- Я, - не поняв сразу, кто его окликнул, отозвался бригадир. Все повернули головы в его сторону.

- То слухай, что будет говорить старый кочубеевец. Слухаешь? Ежели бы меня, к примеру, в бою поставки командиром полка, что я перво-наперво должен делать? Угадать, как уничтожить врага. Куда поставить бойцов; знать - из орудий двинуть или клинками рубануть; какую хитрость подпустить неприятелю. А для этого требуется знать дело. Знать так, как ты знаешь ложку держать, когда щи хлебаешь. Тебя начальником большого дела поставили. Всей наукой по сельскому хозяйству должен владеть. А как ты сеял по весне? Как самый немудрящий одноличник. С наукой у тебя нелады. Наука влево ты вправо. Колосовые надо посеять за двенадцать дней, ты разделался за двадцать и похваляешься - я тоже сев закончил! Эх, бобра убил!

Курейко хмуро опустил голову.

- Казанков - герой, за восемь управился. Петраков - за восемь. У тебя свои сроки: первый срок святая Евдошка; второй - сорок святых, там еще один про запас - Алексей божий человек. Понять должен — не пнем в огороде стоишь, в большой огромной семье живешь! В ней сынов, дочерей и дедов на манер меня, и старух, как бабка Калистратовна, миллионы. Семья эта государством называется. Василь, ты знаешь или нет, кто твой хозяин? Я, тетка Марфа, Аграфена, да все мы сообща. Клинками броню танков за советскую власть рубали, а клинки притупились, — зубами грызли. Сами кровью истекали и врага в крови топили. Какое ты имеешь право государственному средству ущерб преподносить? Говорят — семья не без уroda. В советской семье не должно быть уродов. Да и ты парень, что надо. Будь на своем посту государственным человеком. Смотри Василь, завтра из «Большевика» у тебя приедут соревнование проверять, как бы тебе туго не пришлось. И мы свой глаз будем иметь за тобой. Ежели в

районе или председатель тебя критикуют, кой-как сносишь, а ежели колхозники — норов показываешь. Мне так сдается, критика для руководителя — крепкий упор, она завсегда его поддерживает. С ней не спотыкнется руководитель... Замечаю, за последнее время случай, кой-кто с бабочками балуется...

Замерло сердце у Косолапова. Вот сейчас дед на него пальцем укажет. Захватило дух и у Клаши — вдруг при всем народе напоказ ее любовь к Якову выставит. Об одном подумали и в одно время глазами стрельнули друг в друга.

— И потому всякое снисхождение своей крале делает. Придет милашка на степь, когда солнце над головой, — с рук сходит.

— Фамилии, дед, не таи! — требовательно выкрикнула мать Анютки, старуха Дарья.

Зашлось сердце у Анюты. Ой, мамо, и не ведаешь, что про родную дочь на людях пытаешь.

— Фамилии? Сам знаю, не учи. Не на тебя загадал, не сумлевайся, — Смех прокатился в народе, все посмотрели на Дарью, — Может, еще фотокарточки прикажешь доставить, как любят, милуются? Пушай каждый на себя оглянется. На кого намек держу — сам угадает себя.

Отлегло от души у тех, кто за собой вину знал, а все же след от сказанных слов неглубокой бороздкой около сердца прошел.

— Дисциплину в колхозе храни свято, как полковое знамя!

И старый кочубеевец, сердито пристукивая палкой, сошел вниз. Зло посмотрел вслед ему Курейко: «учитель нашелся. Сами не вчера сиську бросили. Эх, пропади все распропадом!..»

Агроном машинно-тракторной станции Гаврилочкин, уже на ходу пристраивая непослушное пенснэ, торопясь взбежал на трибуну.

— Дорогие колхозники, дорогие колхозницы, дорогие товарищи члены президиума! — начал скороговоркой. — Разрешите всех вас поздравить от лица агрономии с большим и знаменательным событием в жизни вашего колхоза. Нет, позвольте! Что я говорю? В жизни всего края и даже страны. С большой для всех нас победой в области дальнейшего нашего технического прогресса и самоусовершенствования. Испытания машины Григория Андреевича дали блестящие, исключительные результаты. Смею заверить, государственная комиссия, которая будет принимать, узаконит патент. Скажу по секрету, я уже придумал для нее особое, замечательное название. И не сразу, представьте, пришло в голову. Мы назовем ее «машина Грандер»...

Все оторопели, стараясь уловить хотя бы какой-то смысл в этих новых странных словах.

— Красиво? Не правда ли? Гран-дер! — вторично, словно наслаждаясь придуманным словом, повторил Гаврилочкин.

— Чего-то не по-русски! — крикнули с мест.

— Какой Грандер?

— Андреевич-то англичанин, француз, или кто?

— Он-то русский, но получается замечательно. И, вы знаете, как я додумался до этого? Не сразу! Мне пришлось долго поломать голову. От Григория я взял «Гр» — остальное отбросил. От Андрея я взял...

— Др!.. — вырвалось озорное, вспыльчивое с места. Его подхватил смех.

— Позвольте, уважаемые товарищи, я абсолютно серьезно говорю... Вы поймите, от Андрея я взял «Анд», от Еркина взял «Ер», остальное отбросил... И получилось «Грандер».

Теперь хохотали все: раскатисто, неумно, до боли, до колик в животах...

— Уморил!

— Бог знать чего плетет, — проворчала старуха Дарья.

— Животики наши пожалел бы!..

— Ой, не могу, — всхлипывая, давилась смехом звеньевая Колычева.

Гаврилочкин стоял обескураженный. Лицо застыло в морщинах, руки безнадежно повисли.

Когда стихло, спохватился:

— Нет, я и не собираюсь ронять достоинство русского человека... Вы не подумайте...

Мне казалось название оригинальным.

— Назвать «Стахановец», — встал и громко предложил бригадир Казанков.

— Правильно!

— Чтоб не пугали с Америкой.

— Пусть на весь мир знают «Стахановца».

— Слово имеет секретарь райкома товарищ Гуров, — объявил Долгов.

— И в вашем колхозе, и в других колхозах много замечательных людей. Каждый из них достоин высокого почета... — Гуров назвал стахановцев района: комбайнеров, трактористов, доярок, чабанов. — Их примеры — это первые истоки труда будущего коммунистического общества. Волга тоже начинается маленьким ручейком и разливается в огромную реку. Ленин и Сталин учат — при коммунизме не будет различия между умственным и физическим трудом. Разве кузнец-изобретатель не вырастает до инженера? Ростки коммунистического труда живучи, их поросль становится гуще и гуще. Корни уходят в народ и стебли набирают могучую силу. Социализм вдохновляет таланты и дарования миллионов людей, ибо хозяин страны сам народ... Вы соревнуетесь с колхозом «Большевик». «Большевики» вас проверяют. Сравним вашу и их работу. У вас земля чернозем, у «большевиков» — суглинки. Вы соберете в среднем пшеницы по двенадцать центнеров с гектара, «большевики» столько же. Почему? У вас больше яровых, у них озимых. Вы закончили сев яровых двадцать первого апреля, — они пятнадцатого. Первая, третья, четвертая — боевые бригады. Вторая — сорвалась и снизила урожайность по всему колхозу.

Бригадир Курейко, как и все, не отрывает взгляда от трибуны. Бригадиру кажется, что невидимая граница начинает разъединять его с народом. Сознание своей отчужденности готово раздавить его. В душе не остается даже места для обиды и возмущения. Искоса оглянулся на соседей. Его даже не замечали. Стало как-то свободнее, прислушался и он.

— По второй бригаде из-за поздних сроков, упущений в агротехнике, вы недобрали две тысячи центнеров. Я считаю круговую по три центнера на гектар. Сеет бригада семьсот. В стране триста тысяч колхозов. Если бы в каждом колхозе имелось по одной такой бригаде, как ваша вторая, то государство недополучило бы хлеба... Давайте считать.

Гуров достал из планшета карандаш и лист бумаги.

— Не все колхозы крупные, как «Хлебороб». Возьмем в среднем потерю по тысяче центнеров на колхоз. Считаем: тысяча центнеров помноженная на триста тысяч колхозов...

По примеру Гурова многие стали доставать записные книжки, огрызки карандашей и подсчитывать.

— Сколько вы сказали помножить?

— Тысячу.

— На триста тысяч?

— Правильно.

— Тридцать миллионов центнеров, товарищ Гуров.

— Минутку, — и Гуров приписывает к тремстам тысячам три нуля — не тридцать миллионов, а триста. Не мало! Возьмем даже по пятьсот центнеров потерь на колхоз, и тогда получилось бы сто пятьдесят миллионов центнеров. Подсчитаем, сколько это составило бы пудов? Около миллиарда...

Об этих чудовищных цифрах никто никогда не говорил. Они потрясают и Курейко. Разве он предполагал, что отставание в каждом колхозе лишь по одной бригаде, много меньшей чем его, в государственном масштабе может дать такие результаты? Нет, с такими вещами действительно шутить нельзя, — думает он, — триста тысяч колхозов, по одному колоску потерь — и тогда триста тысяч колосков.

— А великий Ленин в девятнадцатом году сам лично встречал хлебный эшелон в пятьдесят вагонов хлеба, прибывший в Москву от трудящегося крестьянства Кавказа... к большому счастью, такие бригады, как вторая, исключение. Советский Союз не собирал бы в год по семь—восемь миллиардов пудов. Думаю, руководители бригад поняли арифметику. Как, товарищ Курейко?

— Вот, Курейко, дело такое, что в затылке начешешься, — услышал бригадир позади себя звонкий женский голос.

— Не начешемся!.. — и сдвинул кубанку на затылок. Дождавшись, когда кончил говорить Гуров, быстро встал со скамейки.

— Разрешите и мне слово?

— Пожалуйста.

— Правильно подметил по моей бригаде, товарищ секретарь...

— Ты не робей, к трибуне поднимись, — прервал Долгов.

— У меня голос подходящий, все услышат и в лицо знают... Критика правильная... И заявляю всему колхозу, буду в первых рядах. Смою пятно позора. Заверяю... Завтра сам проверю выполнение обязательств по соцдоговору с бригадой Казанкова...

Вслед за ним поднялась звеньевая Дударева.

— Я тоже буду говорить с места. — И, обращаясь к Насте. — Стыдно мне слышать, что ты сказала. Да на таком собрании! Признаю вину, получился такой грех. Обещаю исправить. В последних не останусь, а, может, и перегоню. Пусть все будут свидетелями...

* * *

В первые дни уборки хлебов, ранним утром, в квартире секретаря райкома Гурова раздался телефонный звонок. Гуров взял трубку. Звонили из края.

— Слушаю!..

— Здорово, дружище! Говорит Колесов... Ну да, студент... Сейчас принесли в общежитие газету. Развернул и ахнул... Что? Целая страница посвящена агрегату «Стахановец». Статьи, снимки, отзывы специалистов. Поздравляю! Посылаю телеграмму колхозу и Еркину. Вот тебе и Еркин. А? Помнишь, я говорил: «фантазия» Мой горячий привет ему и всем. Выберу время, подъеду на денек обязательно. Интересно, понимаешь, чертовски интересно!